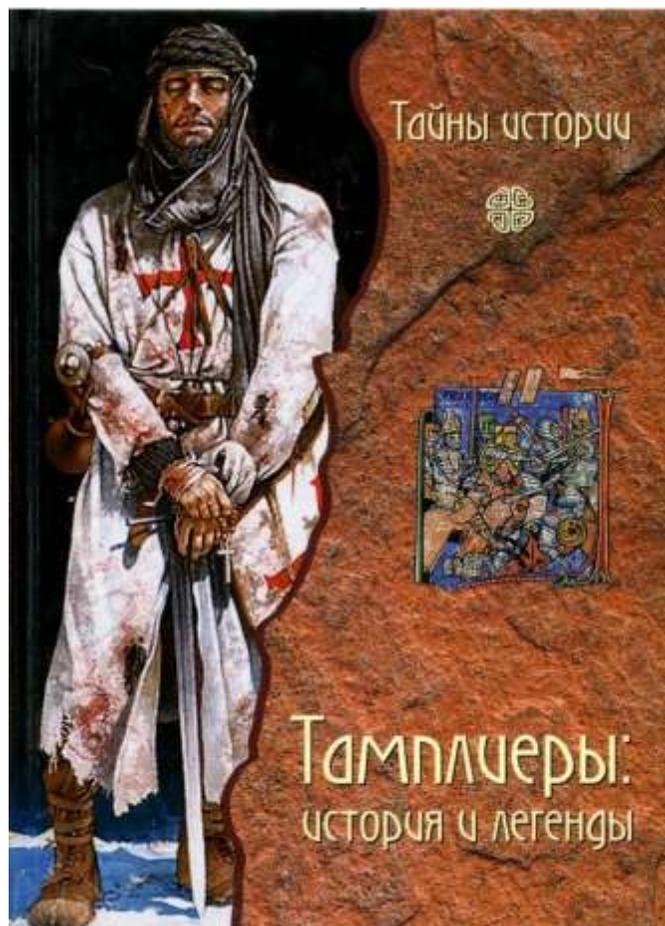

Фауста Вага

Тамплиеры: история и легенды

Введение

История тамплиеров, несмотря на множественные публикации, посвященные ей, всегда вызывала оживленный интерес и по-прежнему не перестает будоражить внимание читателя. В двух первых разделах книги (Происхождение тамплиеров и Расцвет и падение) и двух заключительных (Создатели мифа и Храмовничество) предпринята попытка понять причины, в результате которых некое событие средневековой истории, кратко упоминаемое в школьных учебниках, претерпело столь значительную трансформацию в умах европейцев и возвысилось до уровня великих тем античной мифологии, обрастая многочисленными дополнениями и вариациями и подвергаясь постоянному переосмыслению, не говоря уже о родственных связях, установленных некоторыми «экспертами», с другими классическими темами Средневековья: ересью, колдовством, магией, алхимией, Граалем, готическими соборами...

В центральном разделе книги (Тайный орден?) автор задается целью соединить историю тамплиеров с историей храмовничества и осмыслить фактические материалы, которые легли в основу того, что можно определить как «современный миф». В многочисленных

публикациях о тамплиерах неизменно звучит этот миф, предлагаются периодически повторяемая аргументация и обстоятельный исторический анализ. В любом случае необходимо подчеркнуть, что сам характер Ордена, по своей природе предполагающий узкий круг посвященных, не допускает широкой огласки. Язык, к которому прибегают тайные общества, разрабатываемые ими темы и предлагаемые учения, при всем уважении, которого они достойны как выражение стремления к абсолюту, остаются «в стороне» от столбовой дороги развития западной культуры. Представленные на суд «разума», они могут быть восприняты с некоторой интеллектуальной иронией еще и потому, что в погоне за сенсацией средства массовой информации с избытком обращаются к «таинственному» – надежному источнику успеха и одобрения публики. Но при этом нельзя отрицать, что тамплиеры стали своего рода вызовом здравому смыслу и до сих пор их судьба заставляет задуматься, почему именно этот Орден, неразрывно связанный с историческим отрезком времени, ознаменовавшимся крестовыми походами, «священными войнами», зарождением национальных монархий, средневековым кризисом папства, возникновением раннего капитализма, не был предан забвению в обстановке меняющихся исторических реалий. Возможно, именно это обстоятельство, не поддающееся разумному объяснению, и является настоящей тайной тамплиеров.

Исторические рамки

Появлению тамплиеров предшествовал целый ряд культурно-исторических событий, которые характеризуют XI век в Европе.

Христианизация рыцарской идеологии

Рыцарство в результате энергичной церковной реформы, проводимой папой Григорием VII (ок. 1020-1085), приобрело новое самосознание, новую идеологическую основу. По мнению папы-реформатора, воинское искусство рыцарей, профессиональных военных, полностью интегрированных до этого в феодальную систему, должно было быть поставлено на службу «правому» делу: защите христианской Европы, завоеванию Святой земли, защите паломников от насилия «неверных».

Распространение практики паломничества

Паломничество в Святые места являлось одновременно проявлением глубокого религиозного чувства, необходимости вырваться из косной зависимости от земли и желанием возвыситься в общественном мнении. Церковь гарантировала паломникам защиту «мира Божьего» и проповедовала неприкосновенность тех, кто во время путешествия осенял себя крестным знаменем. Отпущение грехов, обещанное паломникам, постепенно было распространено и на тех, кто обеспечивал их неприкосновенность, прибегая, в случае необходимости, к оружию.

Рыцарская идеология Ордена тамплиеров (миниатюра из манускрипта XIV в., на которой изображена церемония посвящения в рыцари), по мнению некоторых ученых, была закреплена в ритуале посвящения при приеме в Орден.

Классический средневековый паломник. Тысячелетие спустя «покаянное» паломничество в Святые места христианского мира приобретает большое распространение,

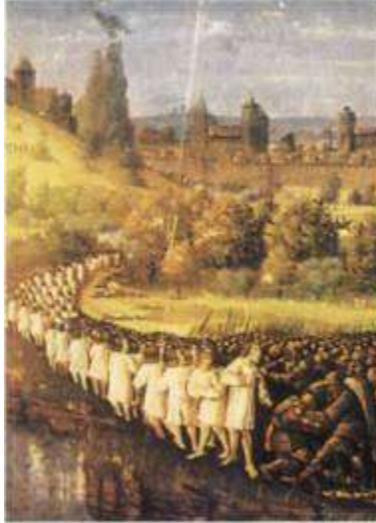
при этом отправляющиеся в путешествие пилигримы принадлежали к самым различным слоям общества: в месте с убогими, сирыми и немощными шли представители благородных семейств, рыцари и прелаты.

Дороги в те времена были совсем не безопасны, и не исключалась возможность, что отдельные путники или даже целые караваны могли подвергнуться нападению разбойников, готовых на все даже из-за куска хлеба. Кроме того, поскольку основная масса паломников не допускалась в города, возникла необходимость построить на всех этапах пути (примерно через каждые пятнадцать километров, равных одному дневному переходу) «приюты» или «убежища», в которых можно было бы содержать и животных, а также размещать повозки, если приходил караван, и госпитали для больных. Эти приюты создавались преимущественно вблизи монастырей, культовых сооружений, замков и небольших поселений.

Нам стало известно, что некоторые из вас имеют желание отправиться в Иерусалим, и вы должны знать, что это вызывает у нас большую радость. Однако вы должны знать, что только тем, кто направляется туда не из алчности к благам земным, а исключительно для спасения собственной души, мы обещаем им милостью всемогущего Бога и молитвами Католической церкви полное отпущение грехов, в которых они честно и полностью покаются... поскольку они подвергают риску свое имущество и самих себя ради любви к Богу и любви к ближнему. Мы не предоставляем возможности отправиться в Иерусалим клирикам или монахам без разрешения епископов и аббатов. Епископы должны также позаботиться о том, чтобы прихожане не отправлялись в путь без совета и напутствий клириков. Необходимо также, чтобы женатые молодые люди учитывали уместность этого предприятия и легкомысленно не подходили к такому длительному путешествию, где с ними рядом не будет их жен. Да вселит в вас всемогущий Бог свою твердость, свой страх и свою любовь и, освободив вас от всех грехов и прегрешений, дарит вам счастье лицезреть высшую любовь к ближнему и истинное сострадание.

Крестовый поход

Завоевание турками-сельджуками Сирии и Палестины, которые были отняты у Византии, предоставило Церкви повод для организации и осуществления военного похода с целью освобождения тех мест, где проходила земная жизнь Христа. Помимо сложных политических и экономических обстоятельств, предшествовавших Первому и последующим крестовым походам (названным так по крестам, изображенным на плащах рыцарей и их знаменах), участие простого народа первоначально было поистине огромным. Первому крестовому походу (1096-1099), объявленному папой Урбаном II, предшествовал стихийный поход бедняков, который возглавил Петр Пустынник. Монах-проповедник из Амьена с кличем «Так хочет Бог!» собрал в поход за освобождение Гроба Господня огромную толпу мужчин, женщин и детей, которых объединяла отчаянная нищета.

Так называемый крестовый поход бедноты во главе с Петром Пустынником(средневековая картина).

Катастрофический результат крестового похода бедняков был исправлен крестовым походом рыцарей. В нем приняли участие принцы Роберт Нормандский, Готфрид Бульонский, Балдуин (Бодуэн) Фландрский, Роберт II Фландрский, Раймунд Тулузский, Боэмунд Тарентский и племянник Танкред, из норманнской династии. 15 июля 1099 г. христианская армия захватила Иерусалим, а завоеванные земли впоследствии были разделены на различные государства: графство Эдесское, княжество Антиохийское, графство Триполитанское и королевство Иерусалимское. Затем каждый суверен распределил доходные места и привилегии, как предписывали феодальные обычаи, среди своих многочисленных вассалов.

Латинские феодальные государства, созданные на Святой земле после Первого крестового похода.

Святая земля после Первого крестового похода

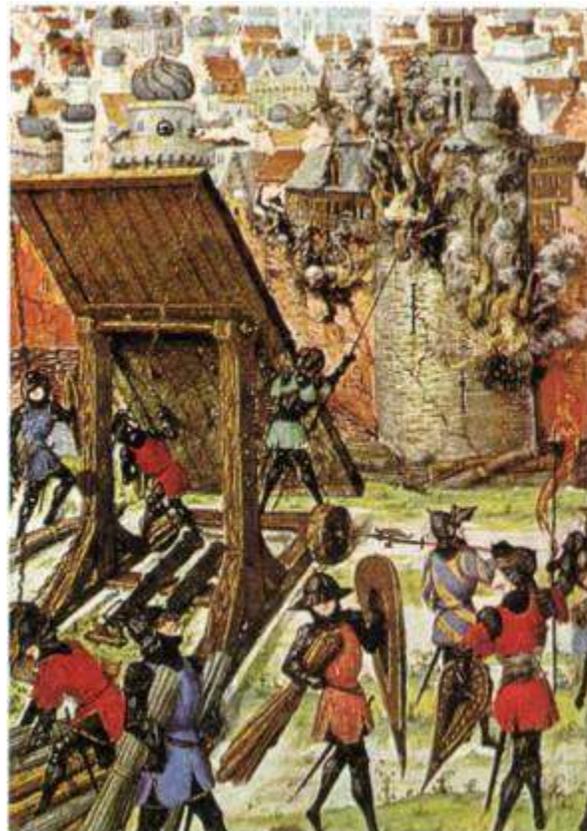
Оставив в стороне идеалы и последующую литературную идеализацию Крестовых походов, исторические документы свидетельствуют о насилии, массовых бойнях и произволе, чинимых христианами в стремлении к наживе и богатству. И это при том, что папа Гонорий II – инициатор Первого крестового похода – решительно отказывал в отпущении грехов тому, кто имел хотя бы малейшие корыстные намерения перед отправкой в Палестину (см. с. 10). Не остались в стороне и итальянские приморские республики: Пиза, Генуя и Венеция, которые, хотя и не принимали участия в прямом насилии, получили значительные торговые выгоды, так как с самого начала предоставили в распоряжение крестоносцев свой флот. Им были отведены «товарные склады» в различных портах, которые они превратили в «кварталы», а затем – в самые настоящие «колонии», где итальянцы пользовались полной свободой действий, вплоть до применения своего законодательства и размещения собственных военных гарнизонов.

Так случилось, что после падения Иерусалима и возвращения на родину большей части крестоносцев немногочисленное вооруженное ядро крестоносцев, оставшихся на Востоке, практически оказалось в осаде на территориях, захваченных мусульманами. Теперь «неверные» не были предрасположены относиться к ним с той же терпимостью, с какой они обычно обращались к христианским общинам до этого страшного столкновения.

Готфрид Бульонский отправляется в Первый крестовый поход. Граф Нижней Лотарингии, независимо от двигавших им причин, был увековечен как образцовый крестоносец в поэме Освобожденный Иерусалим Торквато Тассо (1544-1595).

Дороги к Святым местам Палестины находились под постоянной угрозой набегов, в результате чего подвергались опасности жизнь и имущество паломников из Европы, поток которых увеличился после успешного крестового похода. Следует помнить, что на землях, завоеванных христианами, не было создано прочной и эффективной структуры государственной власти, скорее это была сеть с крупными ячейками, а крепости, в которых находились небольшие воинские отряды, были разбросаны на враждебной территории. Особенно опасности подвергались паломники, которые не могли без сопровождения проехать по дороге от порта Яффа до Иерусалима, от Иерусалима до Хеврона (где находились «могилы Патриархов») и дальше, через Вифлеем, в Галилею, до Назарета, где прошли детские годы Христа.

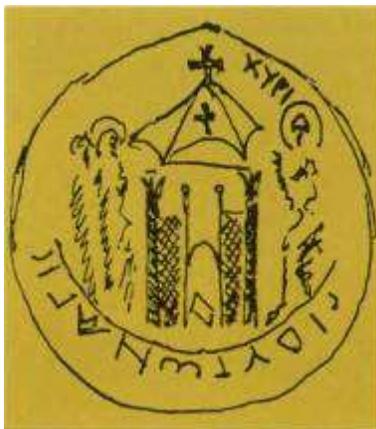
Осада Иерусалима войсками крестоносцев (миниатюра из манускрипта XV в.). Жертвами насилия и кровавых массовых побоищ, которые чинили крестоносцы, о чем свидетельствуют исторические документы, стали прежде всего арабы, турки, египтяне и евреи, проживавшие в Святом городе.

В Иерусалиме располагалась верховная гражданская власть и высшая церковная власть в лице патриарха, но что касается самой фигуры короля, то не следует воспринимать ее как средоточие подлинной централизации власти по отношению к другим государствам, созданным на Святой земле.

Первым кандидатом на трон, как уточняет Дж. Пуччи (Орден Храма. Рим, 1989), был Готфрид Бульонский: «27 июля трон был предложен Готфриду Бульонскому, который отказался от короны... Вместо нее он принял титул «Advocatus» (т. с. Защитник Гроба Господня), и Дагоберт, архиепископ Пизанский, избранный латинским патриархом Иерусалимским, жаловал Готфриду этот титул от имени Святой матери Церкви», после чего королевская власть перешла к его брату Бодуэну Фландрскому.

Каноники базилики Гроба Господня (восстановленной в том виде, как ее хотел видеть император Константин после разрушения в 1009 г. халифом Египта Хакимом) в 1114 г. выразили свое желание жить в общине и получили благословение от патриарха Арнульфа. А официальное признание ими было получено от папы Калликста II в 1122 г., но к этому времени уже были твердо определены правила проведения литургической службы в базилике, вопросы ее содержания и сохранности, а также приема паломников.

В решении этой последней задачи монахам оказывал помощь Орден госпитальеров св. Лазаря, который занимался в основном оказанием помощи прокаженным, и Орден св. Иоанна (будущий Родосский, а затем Мальтийский орден), который также занимался оказанием помощи больным и наиболее нуждающимся паломникам.

Рисунок, воспроизводящий лицевую сторону реликвии – маленькой ампулы с лампадным маслом, горящим в лампадах храмов на Святой земле, которую паломники несли домой в качестве памятного знака. На всех реликвиях была изображена часовня, которую император Константин воздвиг для защиты Гроба Господня.

Идея создания «приюта» в Иерусалиме возникла в 1050 г. у группы богатых и благоверных купцов из Амальфи и была осуществлена с согласия мусульманских властей. Затем Орден был официально утвержден папой Пасхалием II в 1113 г., но госпитальеры к этому времени уже обосновались в Иерусалиме и приступили к выполнению своих особых задач. Молодого человека, который хотел вступить в Орден, предупреждали: «Хорошо, друг, в этом ты по-своему нрав, поскольку много благородных людей изъявляют горячее желание войти в такой священный орден, как Орден госпитальеров, и считают себя очень счастливыми, если им удастся это осуществить».

Иерусалим: Дамасские ворота – один из наиболее сохранившихся памятников старого города. Ворота в их современном виде были возведены в 1537 г. над прежними, которые восходят к периоду крестоносцев.

Но если ты делаешь это потому, что видишь, что мы хорошо одеты, разъезжаем на великолепных лошадях и располагаем всем для нашего удобства, то тогда ты ошибаешься, потому что, когда тебе захочется есть, тебе нужно будет поститься, а когда тебе захочется поститься, то нужно будет есть. А когда тебе захочется спать, то нужно будет стоять в карауле, а когда тебе захочется стоять в карауле, то придется спать. Тебя пошлют далеко от этих берегов, в места, которые тебе не поправятся, по все равно придется туда идти. Значит, нужно, чтобы ты отказался от всех своих желаний, чтобы выполнять желания других и переносить в этом ордене лишения, значительно более тяжкие, чем те, которые могут быть тебе открыты».

Такой была реальная обстановка и жизнь в Святом городе, когда в 1114 г. туда прибыл рыцарь Гуго де Пейнс, точная дата рождения которого, как и дата его смерти, неизвестны. Он родился недалеко от Труа, в Шампани, и принадлежал к феодальному роду де Монбар, как и мать св. Бернара Клервоского (см. с. 22 и 29). После женитьбы у него родился сын, который стал аббатом монастыря Сен-Коломб де Труа.

Первые тамплиеры

Гуго де Пейнс, которого все источники считают основателем Ордена тамплиеров, разработал план оказания конкретной военной поддержки Иерусалимскому государству крестоносцев. В качестве внутренней организации Ордена он избрал форму монашеской общины, но состоящей из отлично обученных воинов, которые должны были в буквальном смысле соответствовать нравственной модели «воина Христова», как говорит св. Павел. Неизвестная на Западе, подобная форма организации, однако, полностью отвечала потребностям государства, в котором отказ от использования оружия, чем руководствовались обычные монахи, означал бы полное его уничтожение.

Лицевая сторона старинной печати тамплиеров, на которой они изображены сидящими по двое на одной лошади. По всей видимости, речь идет о символическом изображении христианских добродетелей – бедности и милосердия, но будущие обвинители Ордена использовали эту печать в качестве свидетельства обвинения их в содомском грехе. По инициативе Гуго де Пейнса, первая небольшая группа рыцарей (их было всего девять, согласно источникам, которые некоторые считают «легендарными») прибыла в Иерусалим и сразу же получила поддержку короля Балдуина, патриарха и каноников храма Гроба Господня. Король предоставил им помещения для проживания в собственном дворце, рядом с мечетью аль-Акса, где в свое время возвышался Храм Соломона, а каноники Гроба Господня позволили им занять просторнейшие конюшни, расположенные прямо под Храмом. Кроме того, король и патриарх взяли на себя заботу об удовлетворении их материальных потребностей, поскольку тамплиеры давали обет бедности, целомудрия и послушания, а также особый обет, обязывавший их с оружием в руках защищать паломников (около 1118-1119).

Первоначально небольшое рыцарское братство не имело ни определенного названия (членов братства называли то «бедными рыцарями Христовыми», то «солдатами Господа и Храма Соломона»), ни собственного Устава (за основу которого они потом взяли Устав Блаженного Августина), ни знаков отличия в одежде. Поэтому на данном этапе еще нельзя говорить о духовном ордене в его узком понимании: только на Соборе в Труа, который состоялся в 1128 г. при понтифике Гонории II, воинское братство, которое к тому времени уже стало известным под именем «тамплиеры», получило официальное признание Церкви и с помощью св. Бернара Клервоского разработало свой собственный Устав. Во время заключительного рассмотрения Устава, которое проходило под председательством Стефана, патриарха Иерусалимского с 1128 по 1130 г., были уточнены время и порядок совершения литургий и чтения молитв, а также оговорено, как должны проводиться совместные трапезы и организована жизнь Братства в рамках абсолютного подчинения Магистру (так называли верховного главу Ордена, без эпитета «Великий», который стали использовать уже после падения тамплиеров). В Уставе особый упор делался на обете (зароке) бедности, обязанности сбора милостыни, скромности в одежде и поведении, отказе от светской жизни... Но прежде всего сочетание воинской доблести и христианской добродетели превратили тамплиеров в абсолютно новый морально-этический тип личности (вызывающий у многих христиан духовный трепет) по сравнению с традиционными образами рыцаря и монаха.

Устав тамплиеров категорически запрещал охоту, поскольку она была типично светским занятием. Но, вероятнее всего, под влиянием символической метафоры (лев как «противник» по аналогии означал сатану). Устав разрешал охоту на львов (на илл. – схватка рыцаря со львом, изображенная на старинной испанской гравюре)

Храм – символ Ордена

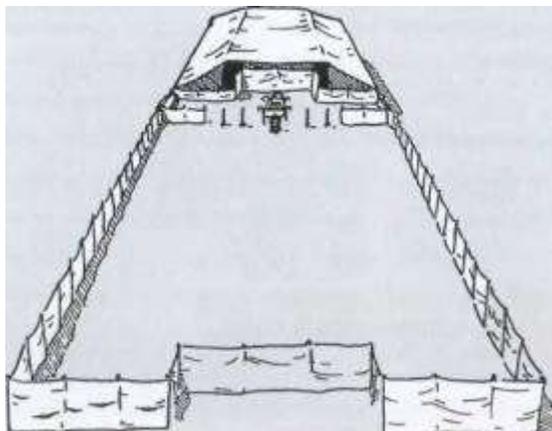
Когда Давид захватил Иерусалим в начале последнего тысячелетия до Рождества Христова, он перенес чуда Ковчег завета, драгоценный ларец из дерева акации, где хранились каменные скрижали с заповедями, продиктованными Моисею богом Яхве.

Храм Соломона

Его сын Соломон (961-922 до н. э.), унаследовав трон Давида, приказал воздвигнуть храм, чтобы священные реликвии Ковчега завета, являющиеся одновременно символом расовой самобытности и национальной независимости евреев, нашли достойное место в его центральной части – «Святая Святых». В абсолютной темноте, согласно божественному предначертанию, Ковчег завета был установлен на камне, названном «камнем основания мира». Согласно преданию, из подземных бездн, расположенных под ним, на Землю пролились воды Всемирного потопа, и этот камень предназначался для того, чтобы не допустить повторения катастрофы.

Вместе с Ковчегом Завета в «Святая Святых» должны были храниться два сосуда: в одном находилась манна небесная, которой евреи питались в течение сорока лет своих странствий на пути в Землю обетованную; в другом – вода из колодца Мириам, которой они утоляли жажду во время длительного пребывания в пустыне.

Этот новый храм должен был соответствовать величию воздвигнувшего его царя, который отличался великой мудростью, признанной даже Библией, в вопросах организации хозяйственной и торговой деятельности, приносившей очень хороший доход:

Реконструкция походного храма, сделанного евреями по воле Божьей. Перед «скинией» – большим шатром, предназначенным для отправления культа, – имеется большое огороженное пространство, на котором собирался народ на сходы и слушал проповеди Моисея.

В Библии можно прочесть (Книга пророка Даниила, 4: 30), что царь Навуходоносор (изображенный здесь на французской миниатюре XIV в.) «был изгнан людьми и вынужден питаться травой, как вол» в наказание за идолопоклонство. В действительности, «вавилонское пленение» положило начало рассеиванию, или «диаспоре», евреев, которое стало определяющим фактором после разрушения Иерусалима будущим императором Титом (70 г. н. э.) так, например, во время его правления были построены огромные медеплавильные печи, переплавлявшие руду, которую привозили из рудников на Синайском полуострове и из Эдома. Для облегчения доставки руды сын Давида распорядился построить порт Ецион-Гавер (рядом с Елафом) (на месте совр. Элата) в заливе Акаба.

Соломон продолжал поддерживать дружеские отношения с Хирамом I, царем Тира, которому он предложил в обмен на материалы и инженеров, необходимых для строительства своего храма, область Кабул в Галилее. Поскольку Хирам с негодованием отверг это предложение, посчитав его слишком ничтожным, «мудрый» царь не придумал ничего лучше, как забрать провинцию обратно и заселить ее израильтянами.

Кроме того, Соломон оснастил первый еврейский флот, основной базой которого стал порт Ецион-Гавер, поставлявший каждые три года в государственную казну золото, серебро, слоновую кость и драгоценные камни. Товары загружались на корабли в Офире (точно неизвестно, идет ли речь о порте, расположенном в Юго-Восточной Африке или в Индии). Несмотря на новые огромные поступления, их никогда не хватало для финансирования новой строительной политики царя, и в частности на возведение крепостных стен вокруг Иерусалима, царского дворца и даже Храма.

Храм Соломона, абсолютный центр притяжения и распространения еврейской религии, построенный с такими огромными затратами, был полностью разрушен вместе с Иерусалимом Навуходоносором в 587 г. до н. э.

Второй храм

Угнанные в Вавилон иудеи, после двух поколений пребывания в плену, смогли вернуться в Палестину и восстановить в Иерусалиме Второй Храм, построив его по чертежам предыдущего. Как и Храм Соломона, это было вытянутое в длину сооружение с внешним двором, окруженным колоннадой, и внутренним. В переднем вестибюле Храма хранились священные сокровища, а также ценности частных лиц, вверенные под охрану левитам, служителям культа, принадлежавшим к племени Левия, третьего сына Иакова и Лии.

Строительство Второго Храма было завершено в 516 г. до н. э.

Храм Ирода

Третий Храм решил построить Ирод Великий (37-4 г. до н. э.). Работы, начатые примерно в 20-м г. до н. э., приостановились из-за смерти Ирода и были завершены лишь спустя примерно восемьдесят лет. Однако огромный священный комплекс просуществовал недолго: в 70 г. н. э. будущий римский император Тит от имени Рима приказал разрушить его.

Купол Скалы

В северо-восточной части храмового комплекса, на вершине горы (сегодня здесь площадь Хаарам-аш-Шариф), избранной Иродом, чтобы подчеркнуть величие храма, мусульманские завоеватели построили одну из самых важных святынь ислама, известную как мечеть Омара, в честь второго арабского халифа, который нанес поражение византийцам и персам и завоевал Сирию, Палестину, Месопотамию и, наконец, Египет.

Впоследствии здание было перестроено в христианскую церковь и стало объектом поклонения – Куполом Скалы. Согласно преданию, это именно та гора, с которой Яхве взял прах земной для сотворения Адама и вблизи которой был похоронен первый человек. Это именно та скала, куда Каин и Авель приносили свои жертвенные дары; это гора, где Ной воздвиг алтарь в знак благодарения Богу за свое спасение от потопа; это гора, у подножия которой Авраам готов был принести в жертву своего первенца.

Крестоносцы верили, что Купол Скалы является тем самым легендарным «Храмом» (Templum Domini – «Храмом Господа»), поэтому тамплиеры взяли его в качестве символа, имевшего исключительно глубокий смысл, как и все главнейшие события истории человечества, с которыми он был связан.

Фрагмент разграбления Иерусалима на барельефах Триумфальной арки Тита, сына римского императора Веспасиана, который завершил войну против иудеев в 70 г. н. э. и, в свою очередь, стал императором спустя девять лет. На ней воспроизведен вынос из Храма, восстановленного после вавилонского пленения, семисвечника (священного символа евреев, поскольку такая форма канделябра была предписана божественной волей) перед окончательным разрушением и священного сооружения. Несмотря на то что Тит вошел в историю как милосердный и отличавшийся терпимостью император, насильственные действия по отношению к евреям, очевидно, объяснялись постоянными массовыми волнениями и восстаниями этого народа, находившегося под владычеством римлян.

На заднем плане – мечеть Омара, названная в честь халифа, завоевавшего Иерусалим. Несмотря на многочисленные реставрации, мечеть Омара (или Купол Скалы) сохранила первоначальную конструкцию: центрально – купольная в плане (точнее, восьмигранная), она выходит центральной частью на «скалу», связанную многочисленными воспоминаниями о священных событиях, что впоследствии было подчеркнуто сооружением массивного купола. Уже через несколько десятилетий после образования Ордена тамплиеры превратились в мощную финансовую силу в Европе, и сразу же в народном сознании пробудился миф об их

связи с неким обобщенным «Храмом» сокровищ (историческая ассоциация с сокровищами, сокрытыми в хранилищах Храма Соломона).

Взлет

В 1127 г. Гуго де Пейнс решил вновь вернуться к задаче военного обустройства христианской Палестины, но эта идея, во время его пребывания на Святой земле, не получила широкой поддержки, и многие из его первых приверженцев от этой мысли отказались. Поэтому он отправился в Сирию и Европу (Францию и Англию), чтобы заручиться согласием и получить помощь и финансовую поддержку. Основатель Ордена тамплиеров в этой «пропагандистской» поездке выступал также от имени короля Иерусалима Балдуина II, который оплачивал его расходы.

На следующий год в связи с созывом Собора в Труа, который официально утвердил создание Ордена тамплиеров, Гуго де Пейнс мог рассчитывать на полную поддержку св. Бернара, которому Гуго, по всей вероятности, мог показать рекомендательное письмо самого Балдуина II. Участие влиятельного аббата из Клерво, который играл такую важную роль в истории Церкви, что его называли «некоронованным властелином Европы», оказалось решающим для разрешения теологических противоречий, когда речь зашла о позволении монарху проливать кровь, даже если это кровь неверующих.

Впоследствии Иннокентий II (1130-1143), который был обязан св. Бернару своим избранием на Папский престол (на собрании синода в Этампе в 1130 г. будущий святой не только подчеркнул хронологическую первоочередность этого избрания по сравнению с Анаклетом II, но и утверждал, что законно избранный Папа был достойнее, чем его соперник), предоставил тамплиерам в 1139 г. целый ряд важных привилегий. Наконец, Евгений III в 1147 г. разрешил тамплиерам (которые уже носили белые плащи) добавить к нему красный крест. Тамплиеры также приняли девиз для своего Ордена, который выражал смысл его существования: *Non Nobis Domine, sed Nomini tuo da gloriam* («Не нам, Господи, не нам, но во имя вящей славы имени Твоего»).

Напутствие Собора в Труа при рассмотрении заключительного документа, который является началом Устава тамплиеров

1. Мы обращаемся ко всем, кто презрел личные интересы и стремится с чистой душой посвятить себя служению высшему и истинному царю, кто страстно и безоговорочно желает облачиться в благородные доспехи послушания и сделать его действенным своим радением. Мы также призываем всех, кто до сих пор сражался как светские рыцари, не во имя Христа, а только ради людского воздаяния, без колебания и навеки вступить в ряды тех, кого Бог, благодаря своему извечному милосердию, избрал среди массы, коей уготована гибель, и поставил их на защиту святой Церкви.

2. Кем бы ты ни был, рыцарь Христа, необходимо, чтобы, избирая столь святой путь в жизни, ты ставил во главу угла своих деяний усердие и непреклонную настойчивость – добродетели, которые Господь считает столь достойными, святыми и возвышенными, что если ты будешь им следовать, то заслужишь причисления к лику мучеников, которые отдали свою жизнь за Христа. Этим напутствием начинается возрождение рыцарства, которое, позабыв о чувстве справедливости и своем предназначении, не исполняло своего долга по защите бедных и незащищенных общин, а сражалось только ради грабежа, поборов и убийств...

В 1136 г. умер Гуго де Пейнс. После завершения работы Собора в Труа, прежде чем окончательно возвратиться в Иерусалим, Гуго де Пейнс вместе с Фульком Анжуйским,

который должен был стать сувереном Иерусалима, отправился в Нормандию, а затем, по приглашению Генриха I, в Англию и там организовал тамплиерскую «провинцию».

Его товарищи, также присутствовавшие на Соборе, отправились по разным направлениям (на юг, во Фландрию и на Пиренейский полуостров), и в течение короткого времени организация тамплиеров распространилась за пределы Святой земли, разделившись на «провинции», районы и отдельные владения (укрепленные и окруженные башнями Дома, или «Храмы»). Кроме того, к 1170 г. Орден был представлен десятью «провинциями»: Иерусалим, Триполи и Антиохия – на Святой земле; Англия, Пуату, Прованс, Арагон, Португалия, Апулия и Венгрия – на Западе.

Согласно 17-й статье Устава тамплиеров, белый плащ был символом целомудрия и примирения с Богом, а простая ткань, из которой он был сшит, символизировала обет бедности. Красный крест, добавленный позднее, узаконивал положение тамплиера как «пожизненного крестоносца».

Быстрая экспансия Ордена стала возможной, помимо конкретной помощи, оказанной Церковью путем предоставления привилегий и гарантий, также благодаря благосклонности светских властей. Сюзерены Пиренейского полуострова, например, решили, что им будет выгодно прибегнуть к этой «вооруженной руке» Церкви для оказания сопротивления натиску мусульман. В действительности тамплиеры были главными действующими лицами тех событий, которые получили название Реконквисты.

Многие сельские собственники и богатые частные лица, полностью уверовавшие в «правое дело», совершаемое монахами-воинами, или просто озабоченные спасением души, были особенно щедры к тамплиерам. Пожертвования Pro anima («За спасение души») очень часто служили поводом для дарения. Другой формой взноса было дарение in extremis (т. е. на смертном одре) или передача наследства по завещанию. Кроме того, были широко распространены дарения в виде обмена имуществом, причем то, что получал Орден, всегда имело большую стоимость, чем то, которое он отдавал взамен.

Таким образом очень скоро тамплиеры стали обладателями движимого и недвижимого имущества огромных размеров. Управление и распоряжение таким огромным достоянием,

отправка денег и снабжение Святой земли всем необходимым добавили к военным задачам тамплиеров также «мирные», в том числе и функции банкиров.

Первоначально такая деятельность отвечала потребностям самого Ордена, но очень скоро к ним стали обращаться и другие люди. После того как европейские Дома Ордена, следуя примеру церквей и аббатств, взяли на себя функцию «сейфов» для тех, кто желал поместить в надежное место свое достояние (нечто похожее на современные «банковские ячейки»), они перешли непосредственно к управлению имуществом депозитариев и первыми применили способ перевода денег на расстояние, используя своего рода банковские чеки на депозит. Многие, в том числе и сюзерены, пользовались административным и финансовым «искусством», которым в краткие сроки овладели предприимчивые тамплиеры, «искусством», за которое им пришлось тяжело расплачиваться менее чем через два века.

Фрагмент капители монастыря Сантес Креус, включавшего части резиденции короля Арагона Альфонса I по прозвищу Воитель, который взшел на престол в 1104 г. и запомнился как герой реконквисты.

В числе первых военных кампаний тамплиеров были походы на запад, против сарацин в ходе христианской реконквисты (на фото показаны результаты этих действий на Пиренейском полуостров в период с 1000 по 1212 г.). Взамен оказанной монархам помощи тамплиеры получили земли, замки и крепости. Альфонс I Арагонский (ок. 1073-1134) даже оставил в наследство тамплиерам одну треть своего королевства, но впоследствии переписал это трудновыполнимое завещание на ряд дарственных.

Победы и поражения в битвах

Поводом для применения тамплиерами оружия на Святой земле не только для защиты паломников, но в самых настоящих битвах стало начало мощного наступления мусульман против христиан на Ближнем Востоке.

Первыми выступили турки-мусульмане из Аскалона, которые в 1138 г. осадили небольшой город Текою, где родился пророк Амос. Робер де Краон, Магистр Ордена Храма после смерти Гуго де Пейнса, отправился туда со своими тамплиерами, к которым присоединились и светские рыцари. Враг бежал, но отряд христиан вместо того, чтобы преследовать противника, остановился и стал собирать военную добычу (что, с другой стороны, было разрешено Уставом). Подготовившись к сражению, мусульмане вернулись, разбили христиан и учинили кровавую резню.

В последующие годы военные успехи попеременно сопутствовали то одной, то другой противоборствующей стороне вплоть до 1151 г., когда христианское войско под предводительством Бернара де Тремеле, Магистра Ордена тамплиеров, одержало серьезную победу. Затем, после отражения в 1153 г. внезапного набега на Иерусалим наследников последнего халифа города, у христиан появилась возможность взять «реванш» за поражение, которое случилось в 1138 г. Король Иерусалима Балдуин III, при мощной поддержке тамплиеров, приступил к осаде Аскалона. Несмотря на отчаянное сопротивление осажденных, семь месяцев спустя ему удалось пробить брешь в городской стене, после чего сам Бернар де Тремеле решил прорваться через нее с сорока своими рыцарями. Осажденные, видя, что остальная часть армии не последовала за ними, окружили рыцарей и убили всех до единого. Однако несколько дней спустя город был взят христианами. Оценка этого эпизода весьма противоречива: наряду с теми, кто восхваляет мученический подвиг тамплиеров, есть и такие, как, например, хронист Вильгельм Тирский (ум. в 1184), который объясняет поведение Бернара де Тремеле лишь одной жадной наживы.

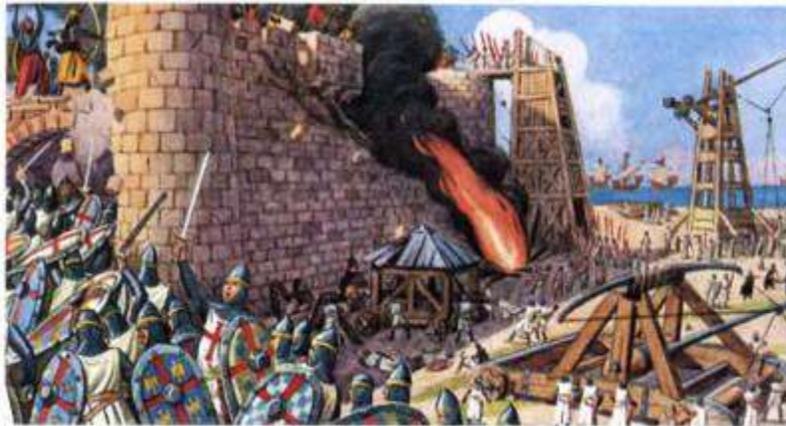
Из Истории крестовых походов Вильгельма Тирского: нелицеприятное суждение о Бернаре де Тремеле во время осады Аскалона

[Падение стен] Произвело такой громкий шум, что вся армия поднялась по тревоге, все быстро вооружились, чтобы через брешь войти в город. Однако Магистр Храма Бернар де Тремеле с сорока своими тамплиерами значительно опередили всех остальных и бросились в образовавшийся пролом в стене, чтобы захватить в городе большую часть добычи.

Часто действия, предпринятые с дурными намерениями, хорошо не заканчиваются, и этот пример – тому яркое подтверждение. Сорок тамплиеров, прорвавшихся в город, не получили подкрепления, и турки, вначале впавшие в отчаяние, видя, что прорвавшихся тамплиеров никто не поддерживает, собрались с духом и атаковали их со всех сторон. Все тамплиеры, а их было всего сорок человек, были уничтожены.

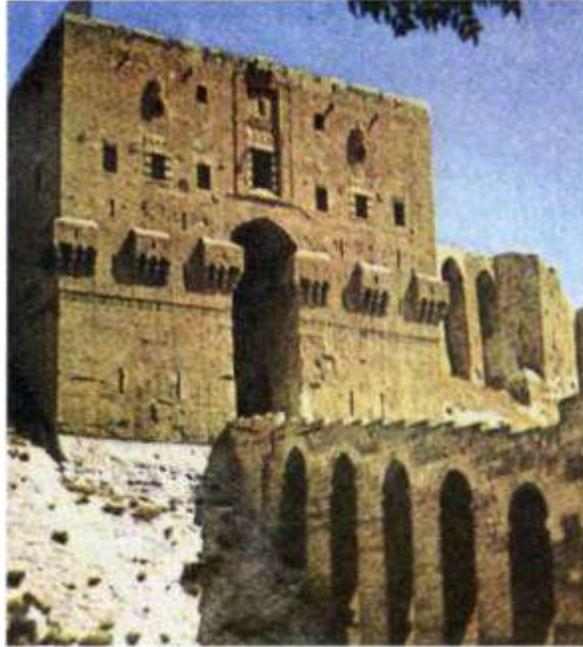
Второй крестовый поход: незавершенное предприятие

Между тем завершился Второй крестовый поход (1147-1149), вдохновленный св. Бернаром, объявленный папой Евгением III и возглавляемый императором Конрадом III и королем Франции Людовиком VII. Число христиан, участвовавших в походе, не знало себе равных, поскольку предстояло воевать одновременно в трех направлениях: помимо Ближнего Востока в Испании и на берегах Балтийского моря.

Осада Аскалона в 1153 г. (реконструкция, сделанная иллюстратором и автором ставших уже историческими «игрушечных фигурок Либига»).

Что же касается Святой земли, то в 1144 г. Эдесса перешла в руки «неверных» и безопасность Иерусалимского королевства, как никогда до того, оказалась под большой угрозой. Магистр Храма в Париже Эверар де Бар стал собирать во Франции и Испании войска для участия в новом крестовом походе. Однако большая часть людей, которые согласились отправиться на Восток, погибла во время перехода через Анатолию из-за нехватки еды, болезней и не прекращавшихся нападений турок. Элеонора Аквитанская, жена Людовика VII, сопровождавшая его в походе, вызвала скандал, открыто изменив своему царственному супругу. В конце концов, так и не вернув христианам Эдессу, Конраду III и Людовику VII не оставалось ничего другого, как снова погрузиться на корабли вместе с жалкими остатками своего войска.

После Первого крестового похода и основания христианских государств на Ближнем Востоке «неверные» не могли не предвидеть их дальнейшего продвижения. Полному они приступили к строительству военных укреплений, таких как, например, замок в Алеппо (на фото). Построенный в XII в., он выдержал неоднократные атаки крестоносцев, которым так и не удалось его взять.

В результате этой неудачи сильно пострадал личный авторитет св. Бернара, о котором в народе стала распространяться далеко не лестная молва как о «делателе вдов».

Второй крестовый поход оказался настолько же разорительным в плане потерь человеческих жизней и материальных средств, насколько и бесполезным, прежде всего из-за неудачной осады христианскими войсками Дамаска (июль 1148 г.). Тамплиеры, во всяком случае, прославились тем, что спасли от разгрома войско под предводительством Людовика VII, подвергшееся неожиданному нападению вблизи горного ущелья (6 января 1148 г.). Несмотря на приказ, авангард опрометчиво продолжал двигаться вперед, преодолевая узкие проходы между горами, которые образовывали узкую «горловину», в результате чего турки и византийцы, выступившие в союзе, несмотря на религиозные различия, смогли атаковать главные силы армии. Необходимо отметить, что помимо тамплиеров в этой обстановке важную роль сыграло и стратегическое мастерство французского короля, которому по крайней мере удалось избежать катастрофы, постигшей несколько месяцев до этого армию под командованием Конрада III, когда обманутый византийскими проводниками император стал свидетелем ее практически полного уничтожения.

Св. Бернар (гравюра 1495 г.). Святой сыграл решающую роль в становлении тамплиеров для которых он специально написал Восхваление нового рыцарства, считая рыцарей необходимой силой для успеха движения крестоносцев.

Во главе Ордена

В конце Второго крестового похода Эверар де Бар сменил Робера де Краона на посту Магистра Ордена Храма Иерусалимского, а затем оставил эту должность (1152-1153) уже назначенному Бернару де Тремеле, чтобы предаться созерцательной жизни на Западе, в местечке Сито, где Роберт Молезмский заложил основы цистерцианства.

Можно предположить, что решение Эверара де Бара явилось результатом драматического внутреннего конфликта между желанием воинского служения Христу, идеологическая мотивация которого была искусно разработана св. Бернаром, и стремлением следовать евангельскому посланию, призывавшему к смирению, терпимости и, прежде всего, ненасилию, о чем свидетельствовал сам Христос на протяжении всей своей земной жизни. Возможно также, что окончательный выбор в пользу традиционной монашеской жизни был вызван горьким и ранним разочарованием при виде непреодолимой пропасти между идеалами, выраженными св. Бернаром в Восхвалении нового рыцарства, и реальностью, с которой Мастеру Ордена тамплиеров приходилось сталкиваться каждый день.

Аббатство Три фонтана – центр цистерцианской реформы (старинная гравюра). Отсюда начал свой путь Евгений III, который к моменту избрания на Папский престол был его аббатом. Принадлежностью к одному и тому же Ордену можно объяснить общность целей папы и Бернара Клервоского.

Первое столкновение со светской властью

Основание Иерусалимского королевства в свое время встретило сильное противодействие со стороны Византийской империи, которая с 1081 г. находилась под властью династии Комнинов. Во время Второго крестового похода эта вражда еще более обострилась.

Для того чтобы уменьшить давление неприятеля на всех границах, король Иерусалима Амальрик I женился в 1167 г. на Марии Комниине, правнучке Мануила, императора Византии. Одновременно Амальрик стремился заручиться нейтралитетом Египетского халифата, налаживая с ним союзнические отношения. Однако вновь приобретенные родственники помешали этим планам, так как император убедил его расторгнуть договор с Египтом, а Магистр госпитальеров Жильбер д'Ассейи заявил о готовности своего Ордена к войне. Тамплиеры, напротив, в лице магистра Бертрана де Бланфора попытались отговорить короля от этого предприятия, подчеркивая его рискованный характер и возможные драматические последствия. Таким образом, помимо расхождений с госпитальерами появились и первые трещины в отношениях со светской властью Иерусалима, которая до этого момента могла рассчитывать на полное сотрудничество Ордена.

Как Старец Горы добивался подчинения ассасинов

Он повелел посадить в долине между двух гор самый красивый и самый большой сад в мире... И нем были юноши и девушки, и Старец уверил их, что это рай... Когда он хотел послать одного из этих юношей в какое-либо место, то давал ему снотворный напиток и приказал вынести его за ограду сада... Проснувшись, юноша был очень удивлен и сильно огорчен, что оказался за пределами рая... И когда Старик хотел убить кого-нибудь, то он повелевал привести наиболее сильного юношу и приказывал ему убить, и тот охотно соглашался, лишь бы потом вернуться в рай.

Из Миллиона Марко Поло

В одном шаге от упразднения

Ухудшению положения способствовали внутренние факторы, нарушавшие равновесие между мусульманским миром, Орденом тамплиеров и Иерусалимским королевством. Используя династические разногласия Фатимидов (шиитских халифов, которые начиная со второй половины X века правили Египтом, Сирией и Палестиной), эмир Алеппо Нур-ад-Дин (Нурадин) возвел на египетский престол Юсуфа, которого называли Салах-ад-Дином (Саладином), из династии Айюбидов. Провозгласив себя султаном, Саладин покончил с Египетским халифатом в 1171 г., а три года спустя после смерти Нурадина захватил и Сирию.

То, что осталось от стен древней Византии. В течение десяти веков, после того как они были воздвигнуты императором Феодосием, стены были взяты приступом всего лишь трижды: солдатами Четвертого крестового похода (1203 и 1204) и, наконец, турками в 1443 г.

Восшествие на египетский трон Саладина совпало с назначением нового Магистра тамплиеров Одона де Сент-Амапа. Одон обострил отношения между Орденом и Иерусалимской короной, зверски убив посла ассасинов, который только что заверил Амальрика в полном уважении. Ассасины (названные так, по мнению одних, за свою привычку употреблять гашиш, по мнению других – от арабского слова *assas*, что означает «стражник») являлись членами секты исмаилитов, проповедовавших внутри ислама аскетизм пантеистического толка. Они были большими мастерами политических убийств и находились в подчинении верховного главы, Старца Горы. Христианские источники утверждают, что в 1172 г. Старец намеревался обратить своих адептов в новую веру, рассчитывая на выгодный союз с королем Иерусалима. Во всяком случае, известно, что король освободил ассасинов от подати, которую они регулярно платили тамплиерам, что явно выходило за пределы его полномочий и вызвало такую резкую реакцию со стороны Одона. Амальрик потребовал от тамплиеров выдать виновника убийства и, получив отказ (за Орденом было закреплено право вершить правосудие внутри братства), решил прибегнуть к силе, осадив командорство тамплиеров в Сидоне. Смерть помешала ему осуществить план по уничтожению Ордена, который к тому времени превратился в очень неудобного соперника.

От Одона де Сент-Амана до Жерара де Ридфора

В 1174 г. от тифа умирает Амальрик. На тропе Иерусалима его сменил сын Балдуин IV, которому исполнилось всего лишь тринадцать лет, и регентом королевства стал Раймунд III, граф Триполи и Тивериады.

Несмотря на свою молодость и заболевание проказой (его называли «прокаженный король»), он сумел, тем не менее, противостоять в течение определенного времени угрозе, которую представлял Саладин, упрочивший свою власть и присоединивший к Египту в том же 1174 г. также и Сирию. В 1177 г. королю далее удалось нанести Саладину поражение в конном столкновении при Аскалоне. Из пятисот рыцарей, принявших участие в битве, восемьдесят были тамплиерами. На следующий год этим же тамплиерам Бодуэн поручил руководить строительством крепости для защиты Галилеи (Брод Иакова). Однако Саладин, который в битве при Аскалоне был застигнут врасплох, сумел провести похожую военную операцию и одержать в 1179 г. победу, при этом ему удалось захватить в плен короля и

Магистра Одона де Сент-Амана. Затем он перешел в решительное наступление, захватил Брод Иакова и приказал казнить всех тамплиеров, которые его защищали.

В дальнейшем на Святой земле происходили такие события: в 1180 г. в плену умер Одон де Сент-Аман (из соображений чести он отказался принять предложение Саладина о выкупе и гордо ответил, что тамплиеры могут предложить в качестве выкупа только свой пояс или меч), и на смену ему пришел новый Магистр Ордена Арно де Торож.

Одону де Сент-Аману также не удалось избежать резко отрицательной оценки со стороны Вильгельма Тирского (см. с. 26 и 27), который, кстати, был наставником Балдуина IV

Героическая смерть Жака де Майи

После нарушения перемирия с Саладином все последующие годы были отмечены непрерывными вооруженными столкновениями между мусульманскими и христианскими войсками, для которых мягкотелость правящих дворов государств, созданных на Святой земле после Первого крестового похода и подверженных все большему восточному влиянию, естественно, не могла служить стимулом для проявления героизма. В ряду этих столкновений можно упомянуть сражение, которое произошло в мае 1187 г. при Тивериаде, когда христианские войска были обращены в бегство, при этом ожесточенное сопротивление врагу оказал рыцарь-тамплиер Жак де Майи. Он был сражен насмерть, но прежде, чем пасть, в одиночку отразил натиск десятков врагов и сумел поразить их почти целую сотню.

Вид на Тивериадское озеро со стороны одноименного городка, который, как и другие населенные пункты, возникшие на его берегах, такие как Капернаум, Магдала и Вифсаида, стали местом действия значительной части евангельской истории. Городок естественно, не выглядел таким спокойным и умиротворенным во времена Раймунда III.

Среди немногочисленных писателей, родившихся в христианской Сирии, он сыграл значительную роль как в церковной, так и в политической жизни, будучи епископом Тирским и в течение некоторого времени канцлером Иерусалимского королевства. Возможно, что его предубеждение по отношению к тамплиерам возникло потому, что он как «местный» епископ чувствовал себя обделенным из-за тех привилегий, которые Орден получил от папского престола. Фактически Вильгельм безжалостно охарактеризовал Одона как человека жестокого и высокомерного, очень вспыльчивого, без страха Божьего и уважения к людям.

Что же касается нового Магистра, то известно, что он по поручению Балдуина IV отправился на Запад, чтобы предложить иерусалимский трон королю Англии в случае смерти назначенного преемника Балдуина V. Этот наследник, очень болезненный ребенок, был сыном одной из сестер Балдуина IV Магистр Арнольд умер в Вероне, не завершив своей дипломатической миссии (1184). Балдуин IV скончался в 1185 г., а на следующий год умирает юный наследник Балдуин V чего и опасался король.

На трон могли претендовать Раймунд III, который, как уже говорилось, был регентом после смерти Амальрика и пользовался поддержкой других христианских государств Святой земли, и Ги де Лузиньян, муж второй сестры Балдуина IV.

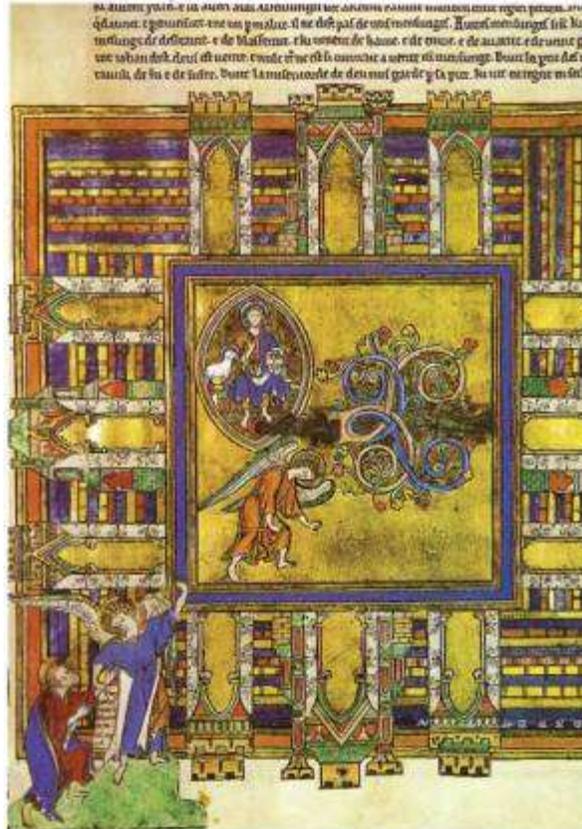
Тамплиеры постарались, чтобы выбор пал на Ги де Лузиньяна. В действительности новый Магистр Жерар де Ридфор испытывал давнюю обиду по отношению к Раймунду, так как до того, как он, «странствующий рыцарь», вступил в Орден, Раймунд помешал ему заключить очень выгодный брак. Кроме того, он питал надежду получить полную свободу действий в делах обремененного проблемами Иерусалимского королевства, если им станет управлять слабый и неуверенный в себе человек, такой, как Ги де Лузиньян. Во всяком случае, он был готов вынести решение династического спора на суд папы, императора Священной Римской империи и королей Франции и Англии.

Был избран Ги де Лузиньян, которого короновал патриарх Иерусалимский в Храме Гроба Господня. Сначала Раймунд не согласился с таким решением и уединился в крепости Тивериады, но затем пришел к соглашению с новым королем.

Мусульманские армии в своих рядах имели и отряды рыцарей. На фото: «рыцарь Сабры» – типичный представитель рыцарского сословия Фатимидов.

«Между площадью и рекой находится... дерево жизни, приносящее плоды двенадцать раз в году: каждый месяц на нем созревают фрукты, а листья служат для лечения».

Небесный Иерусалим (миниатюра из Апокалипсиса XII в.). (В рамке на с. 34 цитата из этого произведения, описывающая Иерусалим.) Представление, сложившееся в народе о «Святом городе» и навеянное наивными религиозными и символическими убеждения, ни о «сокровищах Востока», было весьма далеким от суровой действительности, с которой ежедневно приходилось сталкиваться христианским королям и рыцарским орденам.

Как и предвидели тамплиеры, и особенно их Магистр, Орден стал оказывать сильное влияние на короля Иерусалима и подтолкнул его к открытому столкновению с Саладином, с которым Раймунд Триполитанский старался поддерживать мирные отношения.

В любом случае эти династические разногласия в христианских государствах оказались очень опасными. Они позволили Саладину утвердиться в качестве Божьей милостью признанного главы мусульманского мира, хотя, по тактическим соображениям, он иногда соглашался на временные перемирия.

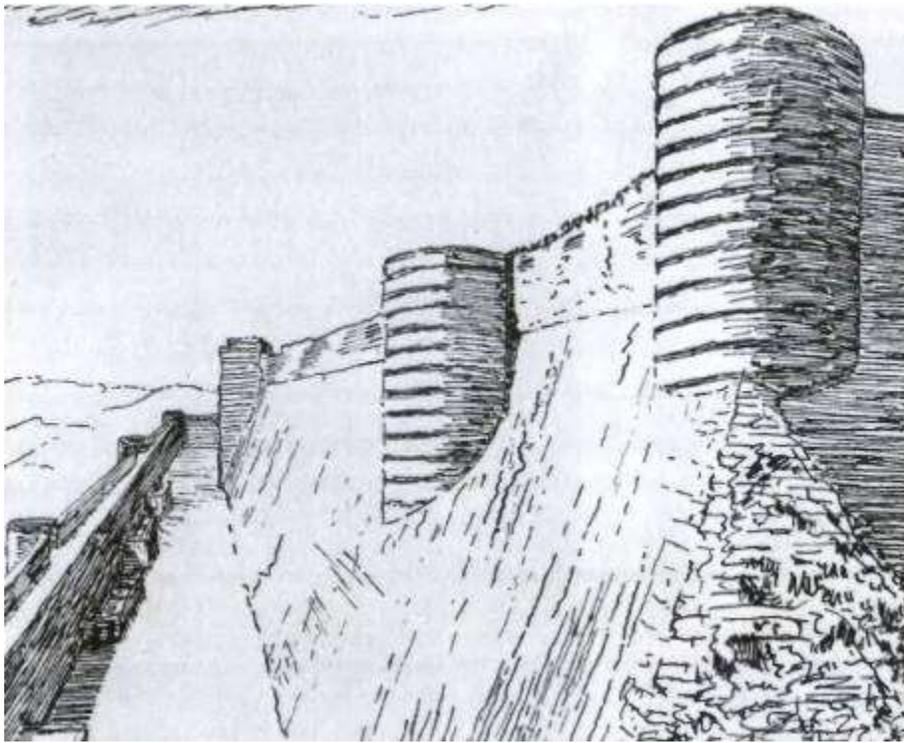
Жестокие поражения, которые вскоре понесли христианские армии, еще больше подорвали престиж тамплиеров на Западе, даже если подозрения и обвинения появились более чем через сто лет, в то время, когда шел процесс над Орденом.

Подозрительный Магистр

В возникновении нового конфликта между Иерусалимом и Саладином важную роль сыграл Рено де Шатильон во главе рыцарей крепости Крак, воздвигнутой в стратегическом месте между Сирией и Ливаном, на пути мусульманских караванов, направлявшихся в Мекку. Рено регулярно требовал выплаты дани, устанавливал очень высокие дорожные пошлины и присваивал дары, которые несли мусульманские паломники. После того как он доблестно отличился в битве при Аскалоне (1177), в 1183 г. Рено снарядил вооруженную экспедицию в Мекку, чтобы вывезти оттуда останки Магомета и перенести их в крепость Крак. А затем он

позволил бы мусульманам за плату поклоняться этим останкам, приумножая таким образом свое и без того значительное состояние.

Остановленный и разгромленный армией Саладина в Медине, он с трудом сумел спастись. Затем, вернувшись к привычным для него грабительским вылазкам из крепости, Рено напал на египетский торговый караван, чем вызвал ответную реакцию Саладина, который организовал карательную экспедицию против Акры. Раймунд Триполитанский (см. с. 32 и след.), заключивший с великим султаном перемирие и стремившийся сохранить его, пытаясь избежать более тяжелых последствий, договорился с Саладином о том, что разрешил мусульманской коннице пройти через свои владения в Галилею при условии, что проход будет продолжаться всего один день и ограничится только Акрой, при этом гражданскому населению должна быть гарантирована безопасность.

На рис. крепости Крак, выполненном Лоуренсом Аравийским, хорошо видны ее мощные оборонительные стены.

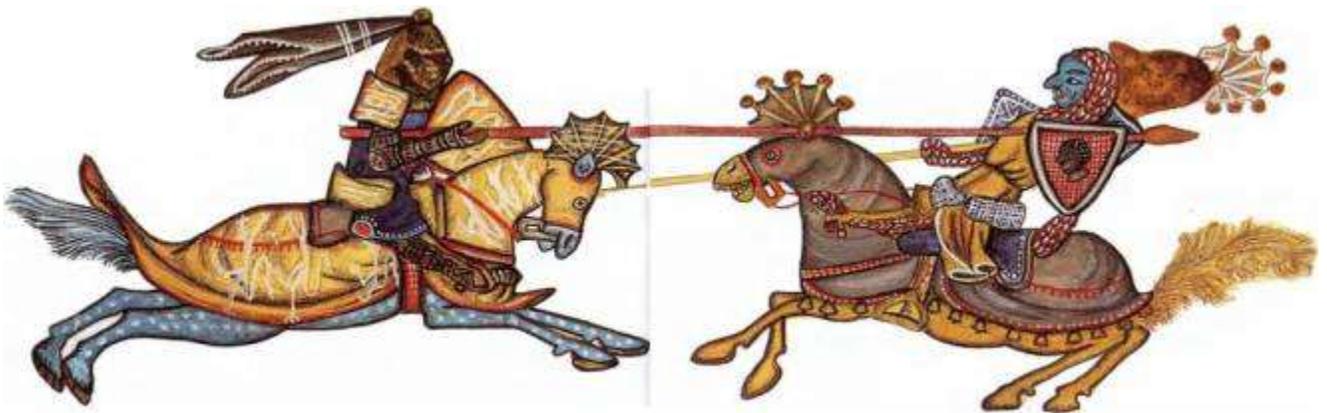
Так выглядит рыцарская крепость Крак сегодня.

Однако его старый враг Жерар де Ридфор (см. с. 33-34) со ста сорока тамплиерами напал на войско Саладина и тем самым свел на нет все усилия Раймунда. Сражение для

тамплиеров превратилось в бойню, из которой Жерару удалось выбраться с большим трудом. Теперь открытая война стала неизбежной. Саладин напал на Назарет, угнал в рабство его жителей и затем направился к Тивериаде, осадив ее в 1187 г. Силы христиан, которые теперь были представлены объединенным войском короля Иерусалима Ги де Лузиньяна, Раймунда Триполитанского и Жерара де Ридфора во главе тамплиеров, сосредоточились в Сефории, в окрестностях Назарета. Вопреки мерам предосторожности, которые предлагал Раймунд, был принят план немедленного нападения, который горячо поддержал Магистр тамплиеров. Исход сражения при Гаттине (4-5 июля 1187 г.) оказался катастрофическим. Король был захвачен в плен, Раймунду с небольшой группой рыцарей удалось бежать, а Рено де Шатильон, который также участвовал в сражении, был обезглавлен на месте, после того как Саладин лично отрубил ему руку ударом сабли. Были убиты также все тамплиеры, принимавшие участие в битве, за исключением Магистра, который вскоре был даже отпущен на свободу. Поскольку в ходе дальнейших событий он отдал приказ нескольким цитаделям, принадлежавшим Ордену, сдаться Саладину, возникло и укрепилось подозрение, что в плену он принял мусульманскую веру, чтобы спасти свою жизнь.

Возобновление крестовых походов

Мусульманское наступление после битвы при Гаттине было неукротимым. Первым капитулировал Аскалон, затем Акра, Иерусалим (20 сентября 1187 г.) и, наконец, в 1188 г., Антиохия.

Саладин сражается против Ричарда Львиное Сердце (фрагмент миниатюры той эпохи). Наивное изображение «отрицательного персонажа» не находит подтверждения ни в исторической реальности, ни в научной литературе. Данте Алигьери, например, помещает его среди героев и мудрецов Лимба – первого круга ада (Ад, IV).

Третий крестовый поход

Поражение христианских сил в Святой земле вынудило Запад организовать Третий крестовый поход (1189-1192) под предводительством Фридриха Барбароссы, при участии Филиппа II Августа, короля Франции, и Ричарда Львиное Сердце, короля Англии. Вассал последнего, Робер де Сабле, в том же

1189 г. стал Магистром тамплиеров. Орден внес ценный вклад в осуществление военных планов Ричарда (который, между прочим, вернулся на родину для защиты своего королевства в одеянии тамплиера), получив взамен остров Кипр, отвоеванный у Византии. Однако народ острова восстал против тамплиеров, и они отказались от прав на его владение. Затем он был предложен Ги де Лузиньяну, который был уже королем Иерусалима, тогда маркграф Конрад Монферратский принял этот титул, бывший, в действительности, чисто номинальным. Ричарду, кроме того, удалось заключить договор с Саладином и добиться, чтобы паломники имели свободный доступ к святым местам Иерусалима, а береговая полоса

Палестины, включая Акру, отвоеванную крестоносцами в 1191 г., оставалась в руках христиан.

Четвертый крестовый поход

Военные действия возобновились в 1197 г., когда Генрих VI, сын Фридриха Барбароссы (утонувшего в реке Анатолии во время предыдущей экспедиции в Святую землю и не достигшего поэтому заветной цели), согласился возглавить Четвертый крестовый поход, объявленный Иннокентием III. Однако Генрих VI умирает в том же году, и поход, уже во главе с Балдуином, графом Фландрским, при поддержке венецианского дожа Энрико Дандоло, состоялся с 1202 по 1204 г.

Этот крестовый поход меньше всего отвечал тем идеалам, ради которых он начинался, превратившись из войны освободительной в войну захватническую: очевидно, стал угасать тот дух, который, по крайней мере в народном сознании, вдохновлял предыдущие походы в Святую землю.

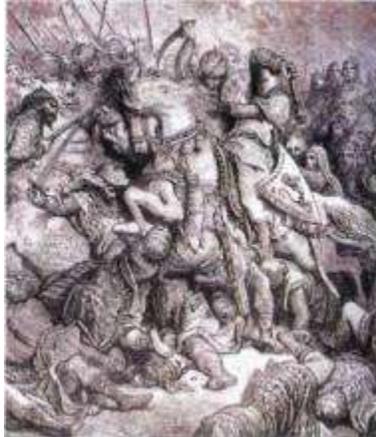
Гуманность Саладина в описании арабского историка того времени

К Саладину были приведены сорок пять франков (так обычно называли европейцев), взятых в плен в Бейруте... среди этих пленных был один старик весьма почтенного возраста без единого зуба во рту и не способный самостоятельно передвигаться. Султан сказал переводчику, чтобы тот спросил у него: «Что привело тебя сюда в таком преклонном возрасте и как далеко отсюда находится твоя родина?» Старик ответил: «Моя родина находится отсюда в нескольких месяцах пути, а пришел я сюда, чтобы совершить паломничество к Гробу Господню». Султан был тронут его словами и помиловал его, отпустив старика на свободу, и велел доставить верхом на лошади во вражеский лагерь. Малолетние сыновья султана попросили у него разрешения убить кого-нибудь из пленных, но он не разрешил им этого. Я спросил у него, почему он не разрешил... «Потому, – ответил он, – чтобы они не привыкали с юных лет с легкостью проливать кровь, когда они еще не умеют видеть разницу между мусульманином и неверным».

Поскольку было решено, что войска будут переправляться по морю, а Венеция обязалась предоставить корабли за солидное вознаграждение, крестоносцы стали стекаться в город на лагуне, но затем оказалось, что они не в состоянии заплатить оговоренную сумму. Поэтому рыцари согласились на предложение Энрико Дандоло помочь Венеции подавить восстание в Заре, которое вспыхнуло в это время. После взятия далматинского города армия крестоносцев вновь поддалась на уговоры и изменила первоначальный план: первым пунктом похода должен был стать Константинополь. Возмущение Иннокентия III, который пригрозил дожу отлучением от церкви и потребовал от крестоносцев немедленно оставить Зару, было абсолютно тщетным, так как к крестоносцам обратился император Восточной Римской империи, свергнутый со своего трона, и попросил помочь ему вернуть трон, а в случае успеха обещал полную поддержку крестоносцам в походе в Святую землю. Таким образом, крестоносцы направились к Византию (Константинополю), осадили и взяли его штурмом. После того как византийцы подняли восстание и изгнали тех, кого они считали захватчиками, армия крестоносцев при существенной помощи венецианцев вновь осадила город и снова захватила его. Так образовалась Латинская империя, которой была уготована недолгая и безотрадная жизнь. Ее императором стал Балдуин. Завершив неблагоприятную кампанию, войскам христиан на Святой земле удалось вернуть себе Сидон, Лидду и Рамлу.

Постоянные трудности, с которыми сталкивалась орден, оставшиеся на Святой земле

Как всегда, после ухода воинов-крестоносцев возникала проблема сохранения и защиты завоеванных земель. Обеспечение безопасности являлось особой задачей тамплиеров, при этом для укрепления старых и строительства новых крепостей требовались огромные материальные средства. Источником поступления этих средств продолжали оставаться европейские командорства. Управляющие (досмотрщики) командорств стали вызывать недовольство из-за излишней привязанности к материальным благам и огромным богатствам, которые тамплиеры скопили и продолжали приумножать.

Ричард Львиное Сердце в битве при Арзуфе в конце Третьего крестового похода (гравюра Г. Доре,, 1822)

Позолоченные кони с площади св. Марка в Венеции, отлитые греками (III в. до н. э), были одним из тех «сокровищ», которые Энрико Дандоло вывез из Константинополя во время Четвертого крестового похода.

С чисто военной точки зрения тамплиеры продолжали оставаться «алмазным наконечником копья» в руках короля Иерусалима, титул которого сохранился, несмотря на то, что город находился в руках мусульман. Так, когда в 1218 г. король Иерусалима Иоанн (Жан) де Бриенн решил напасть на Египет, с ним вместе на поле брани выступили и тамплиеры. Во время войны во главе Ордена сменились Магистры Гильом Шартрский и Пьер де Монтегю. Вначале кампания развивалась успешно и даже была взята Дамиетта (1219), но завершилась она сокрушительным поражением из-за отсутствия действенного плана кампании и раздоров в армии (1221).

Взаимоотношения с госпитальерами

В 1228 г. Фридрих II, чтобы искупить отлучение от церкви, наложенное на него Григорием IX, решил возглавить новый крестовый поход. Однако подлинной целью похода, между тем, было завоевание Кипра и Иерусалима, на которые он имел права, женившись на дочери короля Иерусалима Жана де Бриенна в 1225 г., умершей во время родов сына, будущего Конрада IV. Взаимоотношения Фридриха II с тамплиерами, уже натянутые из-за того, что Орден, подчинявшийся непосредственно папе, не мог не претендовать на часть этих земель, еще больше осложнились вследствие подписания Яффского договора (1229), заключенного императором с султаном Египта. Договором предусматривалась уступка береговой полосы от Яффы до Акры для прохода паломников и возвращение Вифлеема, Назарета и Иерусалима, за исключением мечетей Омара и аль-Акса, непосредственно связанных с историей и чувствами гордости и собственного достоинства тамплиеров. Фридрих II, между тем, возложил на себя корону Иерусалима, а через два дня был снова отлучен от церкви. Тогда он из мести осадил замок тамплиеров в Акре, но народное восстание вынудило его вернуться в Европу.

В Святой земле Фридрих II мог рассчитывать на нейтралитет госпитальеров, которые были близки по духу с «Братьями госпиталя св. Марии тевтонов Иерусалима», более известных как тевтонские рыцари и поддерживавших императора. Отношения между орденами, которые действовали на Святой земле, уже переживавшие в прошлом определенные кризисные моменты в результате разногласий по стратегическим и экономическим соображениям (в их кассах скапливались все подаяния, которые христианская Европа вносила на покрытие расходов государств крестоносцев), а также из-за личных трений между магистрами, переросли в открытый конфликт, отражавший ту борьбу, которая на Западе шла между гвельфами и гибеллинами. В 1238 и в 1241 гг. дело дошло до вооруженного столкновения между тамплиерами и госпитальерами. Этот раскол способствовал дальнейшему ослаблению безопасности христианских поселений на Востоке.

Член Ордена госпитальеров (фрагмент картины Пинтуриккьо, 1504).

После окончательного падения Акры (см. с. 46-47) как оставшиеся тамплиеры, так и госпитальеры перебрались на Кипр. Тамплиеры в первое время еще лелеяли надежду вернуться в Святую землю и обосновались на небольшом острове Руад, вблизи сирийских берегов. Однако этот план не увенчался успехом. Между тем европейские дворы, и в частности французский, горячо поддерживали идею слияния двух орденов в предвидении нового крестового похода. Однако Жак де Моле, последний Магистр тамплиеров, выступил против: и дело даже не в том, что оба ордена возникли для достижения разных целей, а в том, что, далее объединившись, они ничего не могли противопоставить огромным силам мусульман, если бы новый поход не приобрел размеров, сравнимых с крестовым походом св.

Людовика (см. с. 44). Отсюда стали распространяться слухи о высокомерии тамплиеров, которые спустя короткое время превратились в формальное обвинение.

Мальта: сторожевая башня. Госпитальеры после ухода с о. Родос переехали на Мальту в 1530 г. и стали называться «Мальтийские рыцари».

Госпитальеры, напротив, сделали ставку на обновление, обязавшись снарядить флот для обеспечения морских перевозок на Востоке. Таким образом, они смогли избежать беспорядков, имевших место в Кипрском королевстве, и обеспечить себе новое местопребывание на острове Родос (1309). С Родоса рыцари впоследствии переехали на Мальту (1530).

«Святой» король и тамплиеры

Магистр, сменивший Пьера де Монтегю (см. с. 41), Арман де Перигор погиб в 1244 г. в Газе вместе с тремястами двенадцатью тамплиерами в сражении с монголами. Чтобы не допустить вторжения монголов в Святую землю, вместе объединились как христианские силы (тамплиеры, госпитальеры и сирийские бароны), так и мусульманские (султан Дамаска), которым, однако, не удалось избежать поражения. Предыдущие попытки остановить продвижение монголов на Запад, предпринятые немецко-польской армией, и в частности тамплиерами Риги, Словении и Венгрии, также оказались безуспешными.

Отплытие Людовика IX в крестовый поход (миниатюра кодекса, хранящегося в Национальной библиотеке в Париже).

Реорганизация христианских сил проходила с большими трудностями, и немногие оставшиеся в живых тамплиеры и госпитальеры (соответственно тридцать шесть и двадцать шесть рыцарей), поддержанные западными провинциями, снова вернулись к своим традиционным обязанностям по защите Святой земли.

В том же 1244 г. король Франции Людовик IX тяжело заболел и поклялся в случае выздоровления принять крест. Выздоровев, он организовал поход в Святую землю, который начался в августе 1248 г. Христианские войска долго оставались на Кипре, прежде чем нанести удар по Дамiette, располагавшейся в дельте Нила, которая была захвачена без особых трудностей (1249). Однако следующая битва при Мансуре («Победная») после первоначального успеха оказалась проигранной. Стратегические советы Магистра Ордена тамплиеров Гильома де Соака не были приняты во внимание братом короля Робером д'Артуа, который командовал армией, а результатом неосмотрительного преследования противника стала смерть его самого, а также гибель графа Солсбери и двухсот сорока рыцарей Ордена тамплиеров, которые их сопровождали (1250).

Гильом де Соак, лишившийся глаза от удара копья, умер при отступлении крестоносцев, во время которого сам Людовик IX был взят в плен. Выкуп за его освобождение, назначенный султаном Бейбарсом, был непомерно высок, а королевская казна такими средствами не располагала. Недостающую часть попросили в долг у тамплиеров. В лице Рено де Вишье, будущего Магистра, Орден ответил отказом, сославшись на положения Устава, и подсказал королю мысль прибегнуть к силе и таким путем завладеть деньгами тамплиеров. Совет был услышан, но освобожденный король затаил глубокую обиду за то, что с ним обошлись слишком высокомерно, желая показать независимость Ордена от светской власти. Поэтому, когда тамплиеры возобновили свои обычные союзнические отношения с Дамаском, Людовик IX потребовал, чтобы Рено де Вишье отказался от заключенных договоров и публично покаялся. Потеряв, таким образом, уважение своих соратников, Рено подал в отставку (1252) и уступил место Тому Берару.

Цитадель Эгю-Морт (на фото одни из пяти ворот в крепостной стене) была специально построена Людовиком IX в 1246 г. как город-крепость для того, чтобы там собирались войска, отправлявшиеся в крестовый поход.

Уход со Святой земли

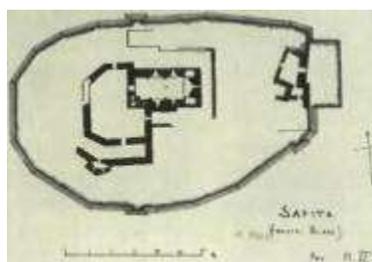
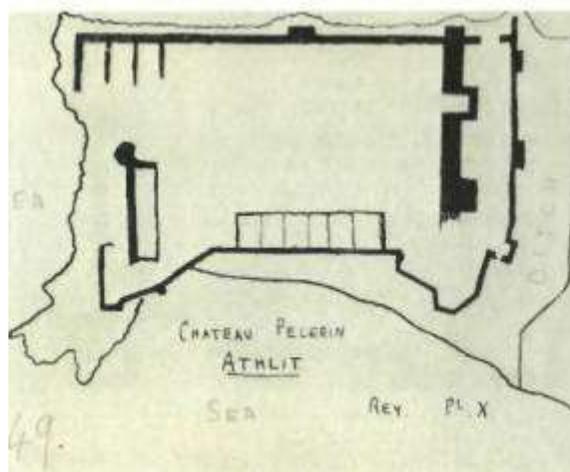
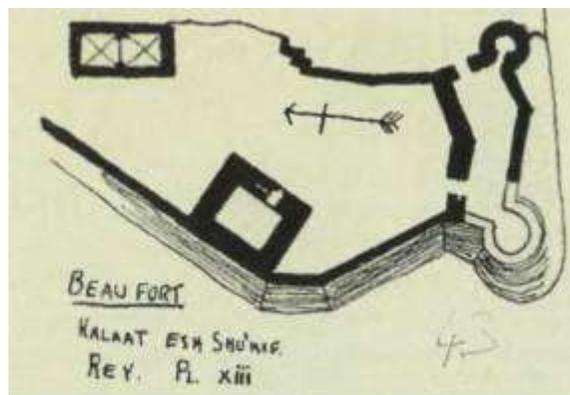
Людовик IX вернулся из Святой земли во Францию в 1254 г., оставив на своем содержании постоянный полк французов в Акре. Гарнизоны тамплиеров по-прежнему стояли

во многих крепостях, но они мало что могли противопоставить тем силам, которые оказывали им противодействие в Европе по экономическим и политическим причинам. Помимо ужесточившейся борьбы между гвельфами и гибеллинами, следует отметить, что в политическую игру вступили итальянские приморские республики со своими противоречивыми интересами, которые смотрели на Ближний Восток как на источник очень выгодных морских перевозок. В данных условиях, сложившихся в Европе, тамплиеры поддержали избрание королем Иерусалима Гуго Кипрского, заручившись согласием Венеции и Пизы, в то время как госпитальеры, вновь ставшие противниками, предлагали Конрада Швабского, став на сторону Генуи и Испании.

В 1257 г. новое нашествие монголов завершилось взятием Дамаска. Возможности заключения договора с народом-завоевателем против мусульман христиане Святой земли предпочли выступление на стороне султана Бейбарса. Султану удалось нанести поражение монголам в 1260 г. и затем присоединить к своим владениям Египет, убив его султана. Теперь он мог отказаться от тактического союза с христианами. В течение менее чем трех лет (1265-1268) он осадил и заставил капитулировать их основные крепости (Цезарею, Арзуф, Хайфу и Антиохию), пала крепость Сафад на Броде Иакова, которую тамплиеры восстановили в 1240 г., и Бофор, где резиденцию тамплиеров полностью сравняли с землей.

Запад ответил на эти события новым крестовым походом Людовика IX (1270), по предприятие закончилось в Тунисе со смертью короля. Начиная с 1288 года христиане терпели поражение за поражением, вплоть до последней битвы, в которой вместе с последним королем Иерусалима Генрихом II, бывшим королем Кипра, сражались тамплиеры и госпитальеры. Театром боевых действий стала крепость св. Иоанна Акрийского, которая выдержала ожесточенную двухмесячную осаду (5 апреля – 28 мая 1291 г.). В конце концов, тамплиеры, безуспешно пытавшиеся осуществить вылазку, оказались погребенными вместе с нападавшими при обрушении Башни Храма, которое они сами устроили. Немногие уцелевшие воины, запершись в Замке паломников (построенном в 1217 г. для контроля за подступами к горе Кармел), вынуждены были оставить его 14 августа 1291 г.

Оттуда они направились в Сидон, где избрали предпоследнего Магистра Ордена, и из Сидонского замка, который располагал собственным портом, погрузились на корабли и отплыли на Кипр с сокровищами Ордена.

На рис. представлены планы наиболее известных крепостей тамплиеров в Палестине перед их окончательным уходом: Бофор (вверху); Замок Пелреп, «Замок паломников» (в центре), Сафита (Белый Замок) (внизу). Рисунки были сделаны Лоуренсом Аравийским для его дипломной работы о замках крестоносцев.

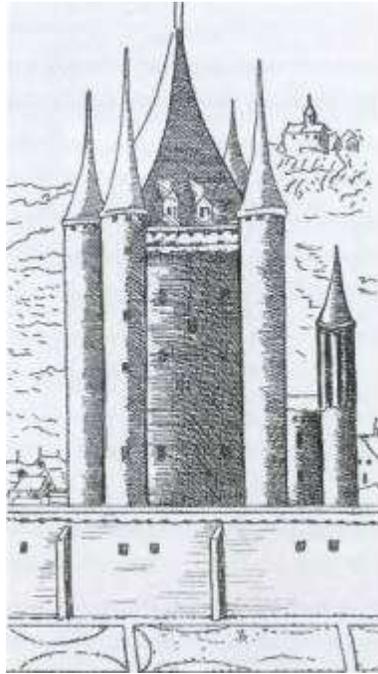
Так бесславно завершилась эпопея христиан и тамплиеров в Святой земле.

Существование с сильными мира сего

Историю латинских государств в Палестине можно рассматривать, с другой стороны, как попытку укоренить на Востоке феодальные отношения именно в тот момент, когда в Европе наступал их закат. Тамплиеры сумели хорошо приспособиться как к той, так и к другой обстановке.

На Западе, за исключением Пиренейского полуострова, тамплиеры, вместо искусного владения оружием, предложили искусное умение вести дипломатические и финансовые дела. В Англии магистры тамплиеров были доверенными советниками и помощниками Генриха II (1183- 1189), Иоанна Безземельного (1167-1216), Ричарда Львиное Сердце (1157-1199) и Генриха III (1207-1272).

Во Франции, с начала 1200 г., Орден Храма в Париже практически ассоциировался с казначейством короны. Близость Ордена и французской монархии была настолько полной, что даже Маргарита Французская, жена Людовика Святого, родила наследника на Святой земле, в одном из больших замков тамплиеров, который назывался «Замком паломников», а сам Магистр Ордена стал его крестным отцом. Не говоря о разногласиях между Людовиком Святым и Рено де Вишье (см. с. 45), до самого дня массового ареста тамплиеров в 1307 г. ничто не предвещало, что французский король сможет таким драматическим образом разрушить прочно сложившийся союз. Накануне ареста магистру Храма в Париже была оказана честь поддерживать шнур с кистью траурного покрывала во время похорон свояченицы Филиппа Красивого.

Башни Храма, расположенного внутри обнесенного стеной квартала, в Париже (репродукция с гравюры 1600 г.).

Таким же высоким был престиж тамплиеров и при папском дворе. Начиная с Александра III (1159- 1181) и далее Орден всегда стоял на стороне понтификов и был их длинной железной рукой, противостоявшей немецкой мощи, а взамен папа, помимо подтверждения привилегий Ордена, должен был каждый раз объявлять о новом крестовом походе, когда из Святой земли раздавался призыв о помощи от оставшихся там военных отрядов Ордена. Достаточно вспомнить, что Григорий VIII, умерший в 1187 г. спустя два месяца после восшествия на папский престол, успел объявить о начале крестового похода, еще не будучи увенчан тиарой, в ответ на катастрофическое поражение христиан при Гаттине. Тамплиеры, проживавшие в Риме, с выгодой для себя использовали свой опыт управления в качестве камергеров и сборщиков пожертвований папы, а также руководили сбором податей, взимаемых с верующих для финансирования крестовых походов. Многие из них, кроме того, управляли замками и крепостями, построенными для охраны папского государства. Очень часто они вместе с госпитальерами служили телохранителями папы. Когда Бонифаций VIII подвергся нападению в Ананьи со стороны Гильома Ногаре и Шиарра Колонна и был взят в плен по приказу Филиппа Красивого, то в это время рыцари, принадлежавшие к обоим орденам, служили у него ординарцами.

Старинное изображение левого крыла кафедрального собора в Ананьи. Справа видна так называемая ложа Бонифация ХІІІ, над которой возвышается ниша со статуей этого папы. Говорят, что она была поставлена во искупление вины после «оскорбления в Ананьи».

Избрание этого амбициозного понтифика в декабре 1294 г. временно прервало зависимость папства от французской монархии, которая началась с Урбана IV (1261-1264), бывшего патриарха Иерусалимского, родившегося в Труа. Его жесточайший конфликт с Филиппом Красивым, который завершился эпизодом в Ананьи (затем папа был освобожден и смог вернуться в Рим, но вскоре умер), безусловно, сказался на отношениях между королем Франции и рыцарями Храма.

Богатства Храма

Огромное состояние, накопленное тамплиерами, явилось результатом грамотного и четкого управления теми ресурсами, на которые Орден мог рассчитывать. Прежде всего, все земли, перешедшие ему по завещаниям или по дарственным и разбросанные далеко друг от друга, Орден обменивал или присоединял к ним другие участки, чтобы создавать крупные хозяйства. Занимаясь земледелием, Орден стремился к увеличению плодородия почв и развитию исконного местного производства.

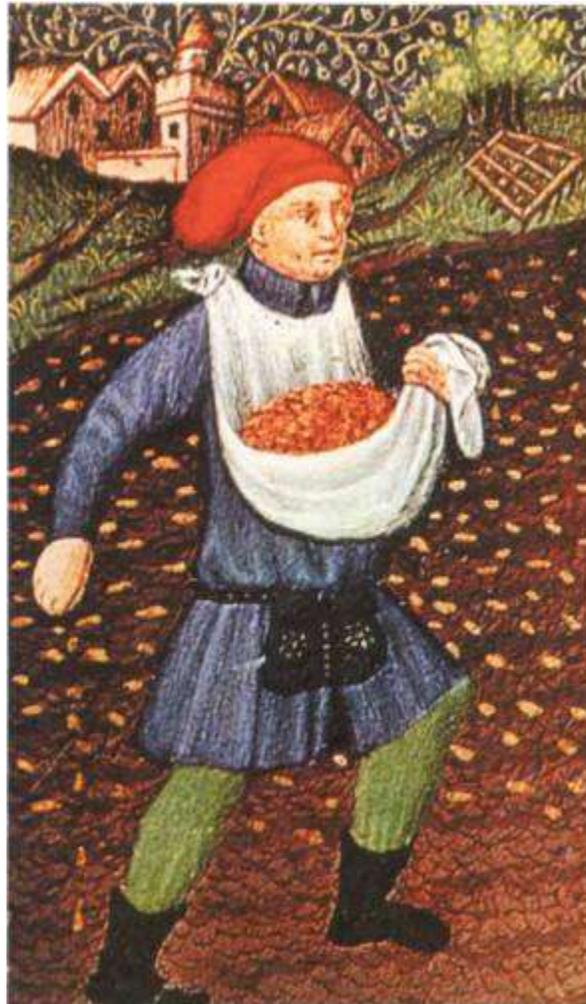
Продукция земледелия и животноводства, которыми занимались «братья-земледельцы», входившие в состав Ордена, полностью обеспечивала все местные хозяйства Храма (овощи, зерновые, оливки, виноград, крупный рогатый скот и овцы и, естественно, лошади), но шла также на поставки в Святую землю. Излишки продукции выгодно продавались, чтобы приобрести железо, древесину и оружие. Методы ведения сельского хозяйства были рациональными и далеко не простыми (севооборот, новые способы вспашки, эффективная ирригация). Ради любопытства можно привести такой факт, что еще сегодня на Кипре производят дорогое вино, под названием Командария, по той же технологии, которая была внедрена тамплиерами во время их пребывания на острове и усовершенствована впоследствии госпитальерами.

Труд «братьев-земледельцев» непосредственно соприкасался с трудом «братьев-ремесленников», которые работали конюхами, кузнецами и занимались обслуживанием и ремонтом инвентаря.

Кованые изделия из железа, изготавливаемые кузнецами, были не единственной формой ремесленного производства, которыми занимался Орден: выращивание скота давало шкуры и шерсть и позволяло организовать их переработку.

Кафедральный собор Св. Николая в Фамагусте, древней столице о. Кипр. Ричард Львиное Сердце первоначально передал остров тамплиерам в награду за большую помощь, которую они оказали ему во время Третьего крестового похода. Однако они отказались от острова, так как там вспыхнуло народное восстание, но позднее, после падения Акры, тамплиеры построили на острове «Капитанский дом» и успели заложить основы производства дорогого вина, которое сегодня называется Коммандария.

Сеятель (миниатюра XV в.). И в сельском хозяйстве тамплиеры, благо – даря своим «братьям-земледельцам», также входившим в состав Ордена, доказали свою эффективность и не только обеспечивали себя всем необходимым, но и имели возможность накапливать излишки продукции, которые затем продавали для приобретения сырья, как, например, железа, из которого «братья-ремесленники» изготавливали оружие, рыцарские доспехи, детали сбруи и подковы для лошадей.

Как известно, тамплиеры имели собственный флот. Он в основном состоял из грузовых кораблей и предназначался для перевозки продовольствия, скота и лошадей вдоль побережья Средиземного моря или по большим европейским рекам. На кораблях могли доставлять также членов Ордена, паломников или крестоносцев, что обеспечивало тамплиерам значительную независимость в отношениях с итальянскими приморскими республиками и Ганзейскими городами (торговый союз, заключенный в XII в. между городами Северной Европы).

Другими важными источниками доходов были разрешения на использование монопольных прав (например, на помол зерна) и право получения некоторых сборов (таможенная пошлина на товары потребления); налоги на наследование феодалов (во Фландрии); взносы «братьев Храма» (светских людей обоих полов, входивших в братства, связанные с Орденом и пользовавшиеся, наряду с ним, определенными привилегиями, такими, как, например, независимость от юрисдикции епископств; десятина (часть налогов, предназначенных для Церкви, которые передавались тамплиерам как защитникам христианства); сбор милостыни (с правом собирать в церквях один раз в году).

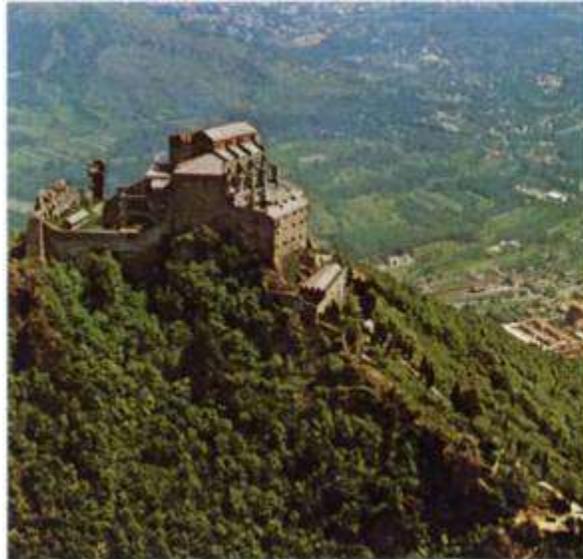

Флорентийский флорин и венецианский дукат. Предприимчивость и авторитет итальянских торговцев (благодаря чистоте сплава и точности веса, этими монетами можно было расплачиваться по всей Европе) способствовали тому, что они установили выгодные торговые отношения с не менее предприимчивыми тамплиерами.

Кроме того, были еще и подати, которые на Востоке платили мусульманские правители, питавшие к тамплиерам большее уважение, чем к любым другим организациям европейцев, опираясь на соглашения об отказе от враждебных действий, а также подати от «ассасинов».

Опыт, накопленный тамплиерами в управлении денежными средствами, не только быстро превратил их в надежных хранителей денежных вкладов и имущества других людей (причем они гарантировали их защиту и сохранность, например, в случае длительного отсутствия хозяина), но и позволил перейти к осуществлению целого ряда операций «банковского» типа, решительно выйдя на самые передовые позиции своего времени (см. с. 25). Как писал Д. Сьювард в книге Монахи войны (Лондон, 1972), «ни один из средневековых институтов не внес большего вклада в зарождение капитализма».

Таким образом, к концу 1200 г. тамплиеры приобрели такую экономическую мощь, что стали представлять своего рода независимое государство, не подчинявшееся никаким властям, за исключением Святого престола, с которым они постоянно поддерживали взаимовыгодные и весьма плодотворные отношения.

Комплекс Сакра ди Сан-Микеле в Пьемонте – великолепный стратегический пункт, с которым также связаны события и легенды о тамплиерах. Как известно, в распоряжении Ордена в Пьемонте были многие населенные пункты, расположенные, как и в данном случае, на главных дорогах, по которым передвигались купцы и паломники из Франции, или же в местах, представлявших интерес для сельского хозяйства. Охрана и прием купцов и паломников также приносили конкретную выгоду, поскольку сотрудничество со светскими властями или аббатами других орденов компенсировалось концессиями на использование местных ресурсов, как, например, в окрестностях Модемы заготавливалась древесина и добывались минеральные ископаемые.

Слабые стороны Ордена

Падение тамплиеров, вызвавшее изумление и смятение современников, теперь, по прошествии веков, можно попробовать объяснить, исходя из целого ряда факторов, предшествовавших последнему решительному шагу Филиппа Красивого.

Ситуация на Востоке в перерывах между крестовыми походами

Во-первых, следует отметить, что реальной военной силы на Востоке в промежутках между крестовыми походами, которую хотя и дополняли своим присутствием другие рыцарские ордена, объективно не хватало для осуществления мечты Гуго де Пейнса.

Организация была превосходной: рыцарям помогал и «братья-сержанты», которые носили коричневые или черные плащи, имели своих лошадей и оружие; они могли рассчитывать на подчинявшиеся им и хорошо подготовленные местные силы (туркополи – наемные войска: лучники, легкая кавалерия из местных уроженцев), кроме того, после Второго крестового похода были введены должности, непосредственно подчинявшиеся Магистру (маршал, сенешаль и знаменосец), сделай структуру Ордена более четкой. Каждый гарнизон, насчитывавший шестьдесят рыцарей и сержантов, располагал отрядом численностью полтысячи воинов.

Однако отдаленность отдельных опорных пунктов, протяженность контролируемой территории, а также низкая эффективность управления, устаревшая организация, частые

распри между христианскими государствами и враждебность местного населения стали основными причинами, предопределившими поражение наиболее боеспособного и дисциплинированного военного корпуса.

На Западе

Во-вторых, несмотря на первостепенную роль, которую тамплиеры играли в экономике Европы, им не удалось остаться в стороне от сложных политических событий, происходивших на Западе и оказавших сильное влияние на изменение идеологии крестовых походов. Даже если каждый отдельный рыцарь продолжал чувствовать себя «солдатом Христа», он не мог избежать таких ситуаций, когда рыцарство использовалось для защиты светских интересов, как, например, защиты интересов германского императора или Венецианской республики.

Печать Фридриха II. Историки считают, что воинственная приверженность тамплиеров папской партии в ходе ее затяжного и сложного конфликта с этим монархом привели к тому, что их стали считать закоренелыми противниками светской власти и, следовательно, опасными для нее людьми.

«Настроения» христиан после падения Акры и возвращения тамплиеров в Европу

Они тратят деньги, предназначенные для освобождения Гроба Господня, чтобы красиво выглядеть в свете; они обманывают народ и оскорбляют Бога своим бесполезным хвастовством... поскольку позволили неверным туркам удерживать в своих руках Иерусалим и Акру, поскольку бегут с поля боя быстрее, чем королевский сокол, и грех, на мой взгляд, не освободиться от них раз и навсегда.

Ростан Беренгарий де Марсель

Отношения с духовенством

В-третьих, тамплиеры, несмотря на постоянную поддержку папы, никогда не могли рассчитывать на поддержку всего остального духовенства. Независимость тамплиеров от епископов очень часто толкала их на нарушение запретов (приостановка в знак наказания отправления всех церковных служб в определенном городе или районе), вновь открывая церкви, совершая церковные Таинства и собирая десятину (налог, первоначально равный одной десятой части любого дохода, предписанный еще Ветхим Заветом и предназначенный для содержания служителей культа) и подаяния.

С другой стороны, тамплиеры были освобождены от уплаты десятины, что являлось еще одним поводом для недовольства белого духовенства, для которого десятины были основным источником дохода.

Груз военных поражений

Наконец, военные поражения, которые они потерпели, несмотря на отличную организацию и многочисленные проявления храбрости, вступали в противоречие с распространенным среди христиан убеждением, что Бог постоянно вмешивается в земные дела и защищает «своих» благоверных. Если тамплиеры потерпели поражение как «солдаты Христа», значит, нравственно они были недостойны возложенной на них миссии и запятнали

себя тяжкими прегрешениями. Более того, лишившись этой, первоначально возложенной на них функции, тамплиеры продолжали пользоваться на Западе огромными богатствами и теперь уже ничем не обоснованными привилегиями. И, кроме того, после ухода из Святой земли из-за их слабости «неверные» – сарацины, евреи и турки – могли глумиться над христианством.

Бонифаций VIII и тамплиеры

История и судьба Бонифация VIII, в миру Бенедетто Каэтали из Ананьи (1230- 1294), тесно связаны с тамплиерами.

Разногласия с французской монархией, начавшиеся через год после его избрания на Папский престол (булла Clericis laicis, запрещающая всем духовным лицам делать какие бы то ни было дарения мирянам без папского разрешения), еще больше обострились в 1301 г. Бонифаций попытался заставить короля Франции Филиппа IV Красивого выпустить из тюрьмы епископа Памьерского, обвиненного в государственной измене. В своей булле Ausculta fili («Внемли Сыну») он даже потребовал от короля дать отчет римскому синоду в своих деяниях. Филипп разрешил публикацию буллы, но в извращенном виде, сопроводив ее своим ответом, в котором, в частности, говорилось: «Филипп – Бонифацию, без всякого приветствия. Извольте, Ваша глупость, принять к сведению, что мы не намерены подчиняться кому бы то ни было в вопросах светской власти... А кто хотел бы думать иначе – глупец». Бонифаций не позволил себя запугать: в 1302 г. он объявил об отлучении от церкви Филиппа и обнародовал буллу Unam Sanctam, в которой он требовал для наследника Петра, хранителя и радателя о вечном здравии всех душ, права Церкви вмешиваться и диктовать законы светской власти.

Бонифаций VIII. Вот тезис из буллы Unam Sanctam, который Филипп Красивый расценил как провокацию: «Духовный меч и меч материальный – оба находятся во власти Церкви: за второй нужно братья ради Церкви, а первый берет в руки сама Церковь. Этот вложен в руки священнослужителей, а первый – в руки короля и воинов, но под руководством священника.

Таким образом, необходимо, чтобы один из этих мечей подчинялся другому, а светская власть подчинялась духовной».

Данте дал Бонифацию VIII безапелляционно отрицательную оценку: несмотря на то, что во время написания Ада (Божественная комедия) папа был еще жив, поэт определил ему место среди торговавших церковными должностями, которых в наказание закапывали в землю головой вниз. Данте, не видящий грешника, мог спутать папу Николая III, наказанного таким образом, с Бонифацием, прибытия которого он ожидает (гравюра Гюстава Доре к XIX песни Ада).

Король Франции Филипп Красивый (миниатюра XII в.)

Французская монархия находилась в трудном положении: она потерпела поражение в ходе успешного восстания горожан и буржуа во Фландрии против олигархии, поддерживаемой французами. Король несколько раз был вынужден обесценивать национальные деньги (кажется, он прибегал даже к чеканке фальшивых монет) и под большие проценты брать займы у тамплиеров. Однако, несмотря на это, он не оставил без внимания выпад Бонифация и направил в Ананьи, где находился папа, карательную экспедицию во главе с Гильомом Могаре, своим верным сановником. Целью экспедиции было пленение папы и доставка его под арестом во Францию. Здесь Церковный собор, но уже под руководством короля, устроил бы над ним процесс. Этому плану не суждено было осуществиться, поскольку Бонифаций был освобожден своими сторонниками еще тогда, когда он находился в Италии, однако несколько недель спустя он умер.

Преемник Бонифация VIII, Бенедикт XI, отменил все отданные им распоряжения, направленные против Филиппа Красивого, по, подчиняясь требованиям канонического права, отлучил от Церкви участников нападения в Ананьи. Когда он умер менее чем через девять месяцев после своего избрания, внутренние распри в Коллегии кардиналов привели к смуте, продолжавшейся одиннадцать месяцев, в течение которой Папский престол оставался вакантным, а вопрос с захватом в Ананьи не получил своего окончательного решения.

Наконец был избран новый папа Климент V, гасконец, человек слабохарактерный, абсолютно готовый подчиняться воле и амбициям Филиппа Красивого. Воспользовавшись этим, французский король решил раз и навсегда покончить с последствиями событий в Ананьи, поручив все тому же Гильому Могаре организовать процесс против покойного Бонифация VIII, обвинив его в ереси, неверии, симонии и занятиях черной магией (вплоть до регулярных сношений с демоническими существами) и защите колдунов.

Памятник Бонифацию VIII в церкви Сан-Джованни в Латеранском дворце в Риме.

Дела, относящиеся к этому процессу, обвинения по которому были очень похожи на обвинения, выдвинутые против тамплиеров, были отправлены в архив только в 1311 г.

По всей видимости, Клименту чтобы не очернить Церковь официальным приговором против папы со стороны светской власти, добился прекращения процесса в обмен на обещание не препятствовать уничтожению Ордена тамплиеров.

Арест и обвинения

Рано утром 13 октября 1307 г. на всей французской территории по приказу короля одновременно были арестованы все члены Ордена тамплиеров, которые находились в своих «домах», начиная от благородных рыцарей до простых «братьев». Но результатам последних исследований, было арестовано не менее сотни самых видных рыцарей из общего числа примерно до двух тысяч человек. Среди арестованных оказались Магистр Ордена Жак де Моле, прецепторы Нормандии, Аквитании и Кипра, а также бывший казначей Французского королевства.

Обвинение, которое было записано в королевском указе, касалось ереси: «... они покинули Бога, их Создателя, чтобы приносить жертвы демонам, а не Ему». Это должно было означать, что решение об их аресте исходило от церковной власти, что стало лишь первым судебным нарушением в этой трагической истории. С другой стороны, такое специфическое обвинение было единственным, которое не признавало за обвиняемыми права знать имена обвинителей и свидетелей обвинения, а также пользоваться услугами защитника. Кроме того, в этих случаях предусматривалось применение пыток. Враги тамплиеров воспользовались этими «привилегиями» с неслыханной жестокостью, чтобы добиться признания тамплиерами своей вины и покаяния. К физическим страданиям добавлялись не менее тяжкие испытания, связанные с изоляцией от своих товарищей, коренным изменением их роли (превращение из преследователей «неверных» в преследуемых), ужасом перед лицом бесчестящих обвинений в идолопоклонстве и святотатстве, осознанием потери поддержки как со стороны сильных мира сего, так и народа, которые, в общем-то, поддерживали их на протяжении почти двух столетий.

Особое замешательство среди тамплиеров должно было вызывать поведение Филиппа Красивого, который еще в 1304 г. признал за Орденом новые привилегии, а в 1306-1307 гг. официально приступил к рассмотрению возможности проведения нового крестового похода против мусульманского мира и выступил с предложением, отвергнутым Жаком де Моле, объединить тамплиеров и госпитальеров.

Золотая монета с изображением Филиппа Красивого. В одной руке он держит скипетр, а в другой – лилию, символ королевской династии Франции.

Однако план уничтожения тамплиеров, которые представляли собой серьезную политическую силу с точкой опоры именно в Париже, был продуман задолго до того, чем это могло показаться простому человеку.

Арест Жака де Моле. В представленной сцене Магистр изображен правильно, с бородой – это была привилегия тамплиеров, отличавшая их от представителей других монашеских орденов. Когда во время процесса кто-либо из тамплиеров раскаивался в своих грехах, то ему сохраняли жизнь, но он должен был подвергнуться унижительному ритуалу публичного пострижения бороды и отказа от плаща крестоносца.

В конце 1305 г. – начале 1306 г. в столицу прибыл, бежавший из Монфоко, где его исключили из ордена, некто Эскьё де Флойран, друг Гильома Ногаре. Флойран сообщил Ногаре и другому доверенному сановнику Филиппа Красивого Гильому де Плезияну, что он располагает сведениями о страшных преступлениях тамплиеров. Два высокопоставленных лица решили начать расследование, в котором очень трудно провести границу между политической выгодой и религиозным фанатизмом, поскольку Ногаре уже выдвигал подобные обвинения против других деятелей той эпохи, подозреваемых в занятиях магией и ереси. Фактом остается то, что в качестве свидетелей были заслушаны рыцари и сержанты, изгнанные из Ордена, и, как правило, люди низкого происхождения. Одновременно в народе стали распространяться слухи, порочащие тамплиеров, а в их ряды были внедрены шпионы. Жак де Моле, чтобы рассеять любые подозрения, обратился к Клименту V с просьбой начать расследование, последний согласился и сообщил об этом королю (24 августа 1307 г.). Действительно, месяц спустя несколько тамплиеров дали показания перед церковной комиссией. Но Филипп Красивый уже тайно решил со своими сановниками отстранить Церковь от процесса и запланировал арест тамплиеров на 13 октября.

С процессов на костер

Решение об аресте тамплиеров во Франции было принято Филиппом Красивым на секретном совещании со своими сановниками 22 сентября 1307 г. В тот же день король назначил вернейшего Гильома Ногаре премьер-министром, который официально был еще отлучен от Церкви в связи с событиями в Ананьи (см. с. 49). Это событие не могло не усложнить положение Климента V который, с одной стороны, должен был ответить на открытое и подстрекательское нарушение церковного права перед лицом всего христианского мира, а с другой – не хотел ухудшать свои личные отношения с королем.

Теологи Парижского университета признали законным арест тамплиеров, поскольку он был продиктован чрезвычайными обстоятельствами, но считали, что окончательный приговор мог быть вынесен только церковным трибуналом. Филиппу Красивому удалось получить от папы разрешение, чтобы дела арестованных тамплиеров расследовал Великий инквизитор Франции. В октябре и ноябре было допрошено сто тридцать восемь человек, из которых тридцать шесть не выдержали пыток, и только трое не признали себя виновными. В феврале 1308 г. папа объявил недействительным расследование, которое вел Великий инквизитор Франции, и решил передать его в высшую инстанцию.

В течение всего следствия поведение папы было лишено логики и твердости, колеблясь на грани протеста и подчинения королевской воле. После того как Филипп Красивый в марте 1308 г. собрал Генеральные штаты для того, чтобы все христиане требовали вынесения приговора тамплиерам со стороны Церкви, Климент V согласился (в мае) встретиться в Пуатье с королем и его сановниками для обсуждения проблемы, которая стала очень щекотливой. В этот трудный момент на встречу с папой были доставлены магистр ордена Жак де Моле и другие раскаявшиеся тамплиеры для того, чтобы сам глава христианства убедился в святых намерениях, которые подвигли Филиппа и его эмиссаров начать аресты. Во всяком случае создается впечатление, что колебания папы в большей степени были вызваны возникшим юридическим конфликтом и осознанием угрозы, нависшей над собственностью церкви, чем судьбой самого Ордена.

Только в конце процесса, который привел его на костер, Магистр Жак де Моле (на илл.), отказался от ранее сделанных признаний, заявив, что они были получены под пыткой.

Уже 22 ноября 1307 г. он написал послание монархам Европы с призывом арестовывать тамплиеров и брать под свою опеку их состояние в ожидании окончательного приговора. В том же 1307 г. папский двор отдал распоряжение церковным трибуналам начать судебные процессы против членов Ордена на Кипре и в Шотландии. Более того, после передачи полномочий по дальнейшему ведению расследования во Франции Великому инквизитору только в конце 1309 г. комиссии, приступившие к своей работе 12 августа предыдущего года для заслушивания и оценки доводов в защиту тамплиеров, начали вызывать на свои совещания наиболее видных представителей Ордена, начиная с Жака де Моле. Вопреки принятому обычаю и действующим правилам на допросах было разрешено присутствие королевских чиновников. Однажды произошло прямое столкновение Жака де Моле, с одной стороны, и Гильома Ногаре и Гильома Плезиана, – с другой, которые предъявили Магистру, твердо отстаивавшему правоверные позиции Ордена, серию новых обвинений, в том числе и сговор с Саладином с целью нанесения поражения христианам. В течение всего этого времени все тамплиеры находились в королевских тюрьмах.

Папский дворец в Авиньоне. Сюда Климент V после своего избрания, которое произошло в Лионе в 1309 г., перенес папскую резиденцию, положив тем самым начало так называемому Авиньонскому пленению, унижительному подчинению папы воле и планам французской монархии, за последствия которого пришлось трагически расплачиваться тамплиерам.

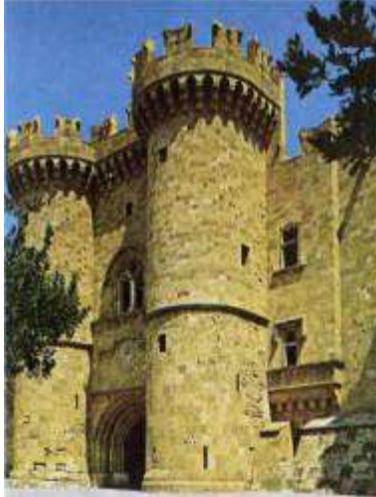
Весной 1310 г. некоторые члены Ордена, относившиеся к очень узкому кругу образованных людей (культура не могла и не должна была быть прерогативой монаха-рыцаря), решили организовать свою защиту и им было позволено встретиться вместе в Париже за пределами тюрьмы, под присмотром королевских стражников. Но сразу же возникли споры, касавшиеся числа адвокатов-защитников, которых Орден имел право представить. Из-за затягивания решения этого вопроса и откровенной позиции по срыву договоренностей, занятой архиепископом Санским Филиппом де Мариньи, ему удалось собрать провинциальный церковный собор, который и вынес окончательный приговор пятидесяти четырем представителям Ордена. Поводом для того, чтобы не ожидать, как условились, окончательных решений комиссий, созданных папой, послужил отказ тамплиеров от ранее сделанных ими признаний на допросах. Наказанием за такой проступок было сожжение на костре, и этот приговор был в точности приведен в исполнение 12 мая 1310 г.

Предсказательница несчастий – важный персонаж в истории колдовства в Англии (демон якобы украл ее в момент погребения). В Средние века обвинения в ереси, черной магии и колдовстве представляли собой единое целое и заслуживали одно наказание – костер. Инквизиция, призванная бороться против этих преступлений, начала действовать в 1184 г. и была централизована в 1225 г. (папой Григорием IX). Иннокентию IV (1243- 1254) мир обязан введением пыток во время допросов Инквизиции.

Между тем Филипп Красивый приказал снова арестовать тех членов Ордена, которым он против своей воли был вынужден позволить организовать защиту. После этого исчезают все следы и самих тамплиеров, и их предприятия: по всей видимости, они потеряли всякую надежду на спасение, а сожжение их товарищей на костре стало еще одним средством устрашения, заставившим их отказаться от этой попытки.

В этот момент всем стало совершенно ясно, что для решения судьбы тамплиеров необходимо созвать экуменический Собор католической церкви: Климент V созвал его и открыл работу Собора 16 марта 1311 г. во Вьенне, близ Лиона. По этот Собор не оправдал надежд ни папы, ни Филиппа Красивого, высказавшись за то, чтобы Ордену была предоставлена полная возможность защиты. Работа Собора продолжалась до марта 1314 г., при этом кардиналам, верным французской монархии, удалось затянуть решение, чтобы дать возможность королю, занятому военными действиями, предпринять решающие шаги. Наконец, король прибыл 20 марта 1312 г. во Вьенн в сопровождении брата, трех сыновей и небольшой армии с целью запугать прелатов и папу. И действительно, Климент V два дня спустя объявил в консистории решение об упразднении Ордена «во всей полноте его полномочий». Через некоторое время он публично объявил и о решении передать госпитальерам всю собственность тамплиеров, однако прошло много времени, прежде чем это решение стало выполняться.

Фасад резиденции Магистра госпитальеров на о. Родос. Этому ордену, занявшему остров в 1309 г., на основании папского декрета перешли все права собственности на владения тамплиеров, но Филипп Красивый потребовал, чтобы госпитальеры выплатили мнимый и несуществующий долг тамплиеров (французской короне, который якобы появился, когда они управляли королевской казной, и присвоил себе значительную часть их имущества.

Судебные разбирательства закончились только в 1314 г. приговором о пожизненном заключении, вынесенным трибуналом из благосклонно настроенных к королю церковников, четверем наиболее видным представителям ордена: Магистру Жаку де Моле, генеральному смотрителю Ордена и командорам Аквитании и Нормандии. Командор Нормандии и сам Магистр Ордена в момент вынесения приговора заявили о своей невинности и о верности Ордена устоям католической веры, публично объявив, что признания были сделаны под пыткой. Это поставило их в положение «отказчиков», и поэтому они были отданы в руки королевских стражников, которые в тот же день (18 марта) сожгли их заживо на небольшом островке Камышовом посреди Сены.

Суд истории

Европейские монархи, которых сразу же после ареста тамплиеров в 1307 г. папа и Филипп Красивый призвали организовать судебные процессы против Ордена, не проявили особого рвения. Короли Кастилии и Португалии начали действовать только после опубликования второй буллы понтифика. За границами Франции операции против тамплиеров проходили так медленно, что многим рыцарям удалось избежать ареста и укрыться за пределами «горячей» зоны. В Англии провинциальный Совет Йорка (1311) оправдал и допустил к святому причастию двадцать четыре тамплиера, распорядившись, чтобы они вошли в монастыри других орденов. В Равенне процессы по делам Ордена также завершились вынесением оправдательных приговоров.

Очевидно, не везде интересы монархов совпадали. Эдуард II, король Англии, сразу понял, в чем суть дела, так как был зятем короля Франции. Эдуард II написал письма королям Португалии, Кастилии, Арагона и Сицилии, в которых сообщал им о намерениях своего тестя Филиппа Красивого, известного своей особой жадностью к деньгам. Данте Алигьери в Божественной комедии утверждает, что преследование тамплиеров имело одну подоплеку – перевести в королевскую казну огромные богатства Ордена.

Однако сегодня этим можно лишь отчасти объяснить суть произошедших событий, потому что, если это и было реальным намерением Филиппа Красивого, он мог осуществить его лишь при стечении очень многих благоприятствующих обстоятельств: общий переход к новому типу королевского правления, не совместимому с существованием феодальных отношений (тамплиеры рассматривались всего лишь как вассалы, отличавшиеся своим

вызывающим поведением и непокорностью); кризис идеалов крестовых походов и, соответственно, разочарование как среди образованных людей, так и в народе; упадок папской власти; сильное психологическое влияние на общественное мнение обвинений в ереси (тесно связанной с магией и колдовством) и демонизме.

Волчица, символ алчности. (Иллюстрация Г. Б. Галицци к XX песне Чистилища (Божественная комедия) Данте Алигьери). Величайший итальянский поэт в этой песне поручает Гуго Капету, родоначальнику французской монархии, предать осуждению дела своего потомка Филиппа Красивого и, следовательно, освободить тамплиеров: «Я вижу – это все не утолило новейшего Пилата (оскорбление, нанесенное Бонифацию VIII в Ананьи); осмелев, он в храм вторгает хищные ветрила» (Божественная комедия. Чистилище, Песнь двадцатая. Пер. М. Лозинского.)

В этой связи ученые стараются дать рациональное объяснение некоторым тревожным и трудно объяснимым деталям в показаниях раскаявшихся тамплиеров, невзирая на ту роль, которую могла в этих случаях сыграть пытка. Если «теологические» обвинения в высокомерии и стяжательстве могли опираться на внешние проявления в поведении тамплиеров, сложившееся исторически, и их неисчислимым богатствам, то обвинения в непристойности и богохульстве ритуала посвящения и идолопоклонстве могли появиться только из показаний людей, которые ранее были или являлись членами Ордена.

Типичный западный священнослужитель (здесь – доминиканец), занятый сохранением и передачей письменного культурного наследия (Тревизо, церковь Св. Николая). От рыцарей тамплиеров, а тем более от сержантов и простых «братьев» не требовалось таких знаний, более того, это считалось несовместимым с отличным владением оружием. Без сомнения, глубокое невежество большей части допрошенных тамплиеров сыграло на руку обвинителям.

При такой реконструкции событий и той исторической оценке, которую им можно дать, основным препятствием, с которым каждый раз приходится сталкиваться, оказываются культурные факты эзотерического характера, когда сохранение тайны, а также использование вербального образного языка и символического языка жестов, абсолютно непонятных для непосвященных, играют определяющую роль. Кроме того, для эзотеризма характерен постепенный доступ к тайным знаниям и наличие вертикали властной структуры. Таким образом, если Орден тамплиеров имел признаки тайной организации, то вполне возможно, что об этом не знали простые или непосвященные члены Ордена, принимавшие участие в ритуалах, об истинном смысле которых они могли не догадываться или ошибаться в понимании их значения.

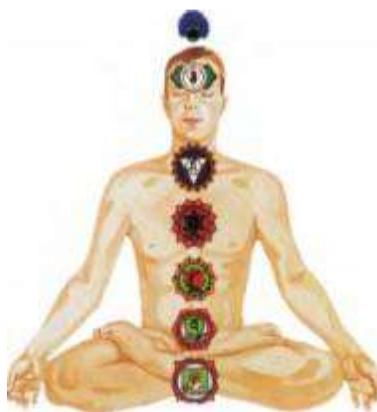
Посвящение

При рассмотрении предполагаемых эзотерических составляющих Ордена тамплиеров, относительно которых спор между учеными далек от завершения, первым вопросом, требующим разъяснения, является вопрос об организационной структуре, которая в данном случае приобрела форму религиозного ордена, привитую, однако, на светскую рыцарскую традицию. В этой связи очень важно напомнить, что эта традиция абсолютно не совпадает с ее литературным толкованием (ошибка исторической перспективы, которую совершали и до сих пор совершают исследователи Храма), несмотря на то, что определяющее участие св. Бернара в разработке Устава обозначило в религиозном смысле этические установки средневекового рыцарства, соединившего героический идеал с идеалом посвященного монаха.

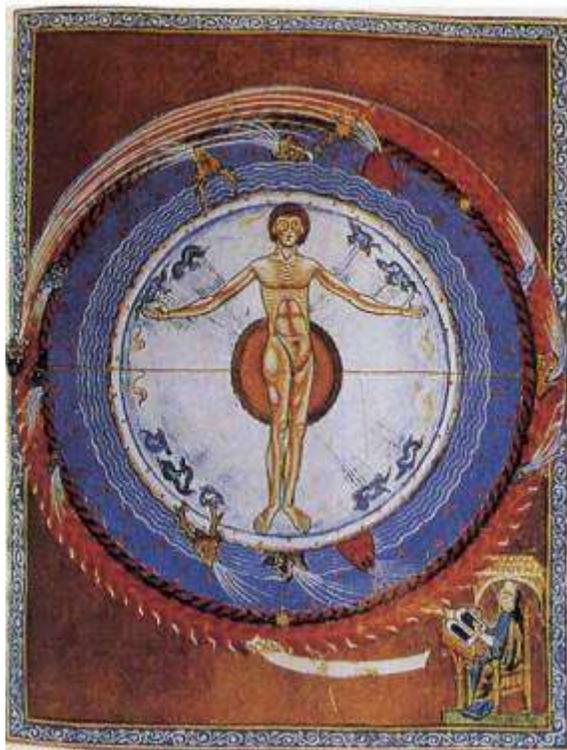
Из рыцарского уложения Орден, по-видимому, сохранил ритуал посвящения, хотя и изменил его символику. Поскольку Церковь как институт не могла дать ничего, кроме своего благословения, тому, кто решился посвятить себя делу торжества христианства, то поэтому представитель Ордена, а не представитель белого духовенства оценивал пригодность новобранца к выполнению элитарного духовного обязательства по отношению к простым смертным, включая готовность пожертвовать собственной жизнью.

Но какое значение могли иметь во время церемонии посвящения «непристойные поцелуи» (в губы, пупок, оголенный живот, в анус и копчик), о которых говорили, повторяя одно и то же, раскаявшиеся тамплиеры?

Поцелуй в губы не вызывает особого замешательства, поскольку он считался допустимым также в других церемониях посвящения. Что же касается иных поцелуев, было выдвинуто предположение, что этим хотели подчеркнуть путь движения жизненной энергии в теле человека, начиная с нижней точки в основании торса (космическая энергия бессознательного) и до самого верхнего центра в голове, где жизненная энергия сублимируется в духовную и открывает доступ к более высокому знанию.

Одно из изображений чакр, точек аккумуляции, переработки и передачи жизненной энергии в человеке согласно древнейшему индийскому учению Тантра.

Человек в центре мира (одно из видений Хильдегарды фон Бинген, воспроизведенное ею самой). Согласно немецкому мистическому учению, человек получает и концентрирует внутри себя ту же божественную энергию, которая движет небесным сводом.

Концепция «жизненной энергии» не была абсолютно чуждой для Запада. Представительница немецкой мистики Хильдегарда фон Бинген (1097-1179), которая, между прочим, состояла в переписке со св. Бернаром, говорит об этой энергии в терминах *viriditas* (зеленого цвета), обращая внимание на то, что естественная зелень природы может служить самым простым и убедительным отражением жизни в ее полном проявлении. Но в концепции движения жизненной энергии, которым можно научиться управлять, от низших инстинктов до духовности и знания, обнаруживается близкое сходство с тантрической йогой и учением о чакрах. Поэтому некоторые считают, что тамплиеры каким-то образом усвоили технику йоги и управляли жизненной энергией, к чему непосредственно прибегнул Жак де Моле, встретив пламя костра без каких-либо проявлений слабости или чувства боли.

Таинственный Бафомет

Одним из аргументов обвинения тамплиеров было предполагаемое их поклонение во время тайных ночных капитулов голове бородатого языческого идола под названием Бафомет. Не представляет никакого труда угадать в этом слове имя Мухаммед (Магомет), как оно стало звучать на провансальском языке, что подтверждается различными документальными свидетельствами.

Для того чтобы показать, насколько само имя пророка ислама вызывало ужас в христианской Европе, достаточно авторитета Данте Алигьери, который помещает его в Ас), страшно обезображенного, вместе с виновниками раздоров, скандалов и схизмы (церковного раскола). В народе Магомет постоянно рисовался в образе чудовища, как Антихрист и «Зверь», о котором говорится в Апокалипсисе, разверзавший пасть только для того, чтобы хулить и поносить имя Бога. В действительности, ни один рыцарь не подписался под

обвинением в идолопоклонстве и собранные свидетельства относительно Бафомета были получены от сержантов или прислуги, которые могли заметить «нечто», подсматривая за церемониями, доступ на которые был им заказан. При внимательном рассмотрении оказывается, что их свидетельские показания очень отличаются друг от друга: одни говорили о каком-то черепе, другие о реликвии, кто-то – о кошке (демоническом животном), а кто-то о голове человека с длинной бородой... Но обвинители тамплиеров не были заинтересованы в более глубоком рассмотрении вопроса: достаточно было усилить подозрение, что тамплиеры заодно с исламом, к этому добавлялась навязчивая идея о демонических способностях. С другой стороны, можно предположить, что для удовлетворения болезненного любопытства инквизиторов и прекращения пыток обвиняемые добавляли фантастические измышления к тем немногим фактам, которыми они располагали, а другие обвиняемые, которым предъявляли подобные фантазии, прибавляли к ним не менее запутанные детали.

Персидская миниатюра, на которой изображена встреча Магомета с Буддой, символ религиозной дискуссии, подобия которому мы не встречаем на средневековом Западе. К непониманию и ненависти к исламу примешивалась убежденность, что, несмотря на то что за Пророком частично признавалась благодать откровения слова Божьего, он все же исказил его самым извращенным образом.

Некоторые исследователи подошли к рассмотрению данного вопроса в иной плоскости, изучая изображения бородатого существа с рогами на здании Сен-Бри-ле-Винё, недалеко от Оксера, которое принадлежало тамплиерам, а также на портике церкви Сен-Мери в Париже. В результате изучения пришли к выводу, что «монстр» церкви Сен-Мери связан с алхимической символикой. Поэтому было высказано предположение, что тамплиеры владели этими тайными знаниями и даже использовали их, изготавливая золото для увеличения своих богатств, накопленных известными способами. Таким образом, Бафомет не был ни пророком ислама, так ненавидимого христианами, ни демоном, а всего лишь символизировал своим безобразным видом первичную материю, которая служит началом Великого Делания.

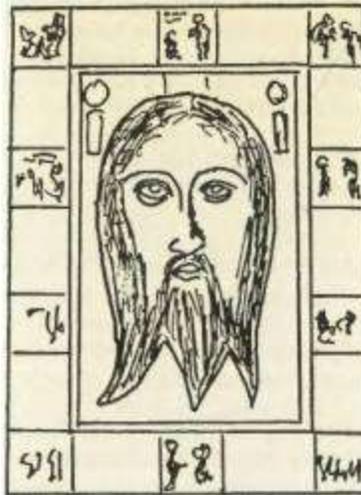
Действительно, тамплиеры в воображении современников и в легендах, которые появились в последующие столетия, постоянно ассоциировались с представлением о необыкновенных «сокровищах». Принимая во внимание огромные богатства, накопленные и управляемые Орденом, вполне естественно было бы думать о богатствах материальных. Но в средневековой христианской культуре, и не только на народном уровне, не было больших ценностей, чем реликвии, являвшиеся живым и осязаемым свидетельством Ветхого и, прежде всего, Нового завета. Такие вещи были бесценны, поскольку, по единодушному убеждению, они обладали чудотворными способностями и придавали огромный авторитет тому, кто стал их обладателем, а также церквам или другим институтам, где они хранились.

Алхимическое изображение Первичной Материи, датируемое концом XIV в. Черты безобразного и бесформенного присутствуют во всех показаниях о Бафомете, но очень неопределенно и весьма разноречиво.

В многочисленных средневековых источниках говорится, что в Константинополе хранилось самое богатое собрание святых реликвий: там находились крест и его фрагменты, тростник, в насмешку вложенный в руку Христа вместо скипетра Царя Иудейского, губка, которую солдаты пропитали уксусом и поили его на кресте, копье, пронзившее грудь Иисуса, терновый венец, саван, в который он был завернут в гробу, столовые предметы с Тайной вечери... Список бесконечен.

Захватив Константинополь во время Четвертого крестового похода, победители, начиная с предводителей экспедиции, соревновались между собой, кто больше присвоит святых мощей, которые таким путем попали в Европу. На основании этих данных было выдвинуто предположение, что «богатством» тамплиеров могла быть одна из этих бесценных реликвий. Но исследователи пошли еще дальше: неопределенность и двусмысленность описаний Бафомета, в которых говорилось о бородатом лице и реликварии, натолкнули на мысль, что речь идет о Мандилионе, т. е. о куске ткани с изображением лика Христа. Об этой необычной реликвии источники того времени сообщали, что она входила в сокровищницу императорского дворца в Константинополе, откуда попала в Венецию, а затем была продана королю Франции Людовику IX, после чего следы ее полностью теряются. До наших дней сохранилась одна реликвия, которую можно было бы отождествить с Мандилионом из Генуи, в монастыре Сан-Бартоломео дельи Армени.

Набросок с Мандилиона, который хранится в Генуе. Представляет собой сложенную несколько раз Плащаницу, так что была видна только голова Христа. (П. Байм Болоне. Изображение Бога. Милан, 1985).

Однако имеются еще более существенные свидетельства, позволяющие предположить, что речь идет об исключительном «сокровище»: Синдонской плащанице (она же Туринская). Хотя имеется в виду ткань, а не портрет, известно, что она всегда хранилась сложенной вчетверо, так что на передней части было видно только лицо, а не вся фигура в полный рост. Также имеются сведения, что после разграбления Константинополя она была вывезена крестоносцами, а потом оказалась у тамплиеров. отождествление Плащаницы с Бафометом в какой-то мере подтверждается находкой в Англии, Темплкомбс, доме человека, который в свое время был прецептором тамплиеров, дубовой доски с написанным на ней изображением головы мужчины. И в этой связи вполне разумно предположить, что это и был тот идол, которому поклонялись на тайных капитулах Ордена. О подлинной Туринской плащанице имеются документальные сведения, что в 1353 г. она находилась в Лирее, Шампань, и принадлежала Жоффруа де Шарне, однофамильцу, а возможно, племяннику прецептора тамплиеров Нормандии, сожженного на костре в Париже вместе с Жаком де Моле. Родство могло бы объяснить передачу реликвии по наследству.

Если же этот Бафомет, предмет поклонения, был чем иным, как отпечатком лика Иисуса, отмеченного Страстями, то это не только отменяло все обвинения в отступничестве, за что тамплиерам пришлось так дорого заплатить, но и подтверждало их особую преданность личности Христа. Однако это противоречило другому важному обвинению, которое основывалось на показаниях, полученных в ходе следствия: в момент принятия в Орден кандидат должен был трижды отречься от признания божественной сущности Христа и столько же раз плюнуть на Распятие.

Этому пытались дать самые разные объяснения, начиная с того, что ритуал, в своем первоначальном значении, должен был повторить тройное отречение Петра, о котором упоминается в Евангелии, подчеркивая тот факт, что даже самая крепкая вера может быть поколеблена в минуты страха. Было также отмечено совпадение разных показаний в том, что требовалось отказаться не от Креста, а от того, кто на нем изображен. Поэтому возникло предположение, что кому-то из находившихся на самой вершине Ордена каким-то образом стало известно из документов, оставшихся в Палестине со времен земной жизни Христа, что человек, распятый на кресте в период прокуратуры Понтия Пилат, в действительности является не Сыном Божьим, а лжепророком, подстрекателем, стремившимся захватить трон Давида не в духовном, а в земном смысле. Строжайшее соблюдение этой тайны, которая в случае ее разглашения могла в буквальном смысле взорвать политическое, религиозное и

культурное устройство Запада, привело к тому, что со временем о ней забыли, за исключением некоторых следов, сохранившихся в непонятных ритуалах посвящения.

Лик на Туринской плащанице. Реликвия, принадлежавшая сначала аристократическому у семейству де Шарпе, куда она, вероятно, попала от тамплиеров, проделала долгий и сложный путь, прежде чем оказаться в Турине, где она хранится с 1694 г. в Дуомо (Капелле Гуарини).

В дебрях различных предположений, сделанных в попытках объяснить некоторые обескураживающие признания, полученные в ходе следствия по делу тамплиеров, появилась гипотеза, что Орден занимался алхимией (см. с. 71). Это может объяснить предполагаемый эзотеризм Ордена в познавательном и религиозном смысле, а также наводит на размышления, в какой мере и в каком смысле алхимия может быть связана, помимо процессуальных обвинений, со сложным и разветвленным миром магии.

Тамплиеры и магия

Магические приемы, среди которых алхимические опыты являются лишь одним из аспектов магии, рассчитаны на конкретное воздействие на мир. Тот, кто их практикует, обладает властью, недоступной простым смертным, полученной или благодаря передаче тайных знаний при инициации, или путем индивидуальной аскезы как результат постоянной и жесткой внутренней дисциплины. Поскольку тамплиеры были религиозным Орденом, то можно предположить, что если они и ставили перед собой цель господствовать над природой, то делали это в рамках поисков совершенства, что являлось процессом духовного возрождения.

Философ-доминиканец Альберт Великий об алхимии

Я путешествовал по многим странам, а также городам и замкам, чтобы внимательно изучить, преодолевая большие трудности, науку, которая называется «алхимией». Об этом искусстве я, кроме того, старательно расспрашивал осведомленных и мудрых людей... Я встречался со многими богатыми и учеными людьми, аббатами, приходскими священниками, канониками, натурфилософами и даже с неграмотными людьми... по безуспешно, поскольку они были не в состоянии понять это искусство. Однако я не отказался от своих намерений, а, напротив, проявил еще большее рвение, умножая усилия и расходы, проводя бессонные ночи и непрерывно путешествуя из одного места в другое... пока мне не удалось обнаружить возможность превращения Солнца в Луну... Прежде всего, мне удалось установить правила: мастер, создающий это искусство, должен быть тихим и скрытным и никому не доверять свой секрет... и иметь место, то есть особое жилище, расположенное вдали от человеческих глаз... В этом помещении должно быть две или три комнаты, в которых можно было бы производить опыты по сублимации, приготовлению растворов и дистилляции... Мастер, занимающийся этим искусством, должен быть усердным и постоянно присутствовать при проведении опытов, не поддаваясь влиянию скуки... Будь очень осторожен, когда тебе придется работать с князьями и сильными мира сего. Если ты согласишься занять эту должность, то время от времени они будут спрашивать тебя: «Маэстро, как у тебя идут дела? Когда мы увидим что-нибудь хорошее?» И поскольку они не умеют ждать окончания Трудов, то скажут, что у тебя ничего не получилось и что речь идет о мошенничестве... и если тебе не удастся добиться хорошего результата, то ты навсегда утратишь к себе доверие. Однако если тебе удастся добиться положительного результата, то князья будут плести интриги между собой для того, чтобы удержать тебя навсегда и не позволят тебе уйти... Никто не занимается этим делом, если не располагает достаточными средствами для того, чтобы закупить, по крайней мере на два года, все то, что необходимо или только полезно для данного искусства.

Философ Марио дель Пра заметил, что в истории христианства эзотерический дух утверждается «всякий раз, когда обнаруживается потребность отделиться от вульгарной и универсальной социализации религии и возникают попытки поиска совместного опыта, уходящего корнями к противоположным традициям и церковным организациям», а не только с целью вернуть первоначальный и оригинальный смысл своим собственным традициям. Физическое присутствие тамплиеров в горячих точках соприкосновения Запада и Востока, к тому же ярко и подробно отмеченных событиями еврейской истории, изложенной в Библии, вполне могло способствовать формированию особого «тамплиерского знания», сочетающего одновременно теорию и практику и обладающего подобными характеристиками. Такое знание, естественно, культивировалось только в узком кругу избранных и, конечно, не распространялось на всех членов организации.

«Магические» числа?

Можно попытаться проверить эту гипотезу, прокомментировав числа, связанные с историей Ордена, и помня, что числа имели фундаментальный познавательный и метафизический смысл как в иудаистской Каббале, так и в исламской традиции, а также в христианском толковании Библии – обоих Заветов, – не говоря уже о магических ритуалах.

Основным числом является число семь. Таково было количество ступеней, которые вели к Храму Соломона, о котором говорили, что при его освящении церемония продолжалась семь дней. В Притчах этого царя, так тесно связанного с историей тамплиеров, восхваляются «семь колонн мудрости». В Каббале число семь также различными способами связано с символом Храма. Особое значение придавали этому числу исмаилиты, с одним из ответвлений которых, ассасинами (см. с. 30-31), тамплиеры тесно соприкасались. Исмаилиты считали, что именно столько было пророков, включая Иисуса, которые составляли «семь колонн дома мудрости». И вообще, это число повторяется в их концепциях устройства мироздания, определенном при его Сотворении, и психофизическом строении

человека, а также в ожиданиях на будущие времена. Наконец, мы знаем, что в алхимической практике дистилляция повторялась семь, раз.

Менорах. Священный семисвечник евреев, для изготовления которого сам Бог дал Моисею необходимые пояснения (об этом говорится в библейской книге Исход.). Согласно традиции, он являлся точным воспроизведением того семисвечника, который пожелал сам Бог, и представлял собой массивный золотой канделябр, который хранился в Иерусалимском храме: еще одна символическая ассоциация числа семь с Храмом.

Кажется, тамплиеры давали семь обетов, из которых три были общими для всех монашеских орденов (послушание, бедность и целомудрие) и четыре особых (соблюдение традиций Ордена, обязанность сражаться и защищать Святую землю, защита и помощь паломникам, обещание не выходить из Ордена ради вступления в другой). Современные эзотерические тексты связывают каждый обет с таким же количеством точек человеческого тела, с планетами (согласно геоцентрической средневековой концепции к ним также относились Солнце и Луна помимо Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна), драгоценными камнями и цветами, каждый из которых обладал особыми качествами, но все они были эманацией единой космической энергии.

Другим значимым числом было число восемь или, точнее, форма восьмиугольника. Число восемь и соответствующая плоская геометрическая фигура в различных восточных традициях и в самом христианстве имели отношение к раю, воскрешению и обновлению. План Храма «Купол Скалы», воспроизведенный тамплиерами на своей печати, имел форму восьмигранника, как и планы их капелл в Лондоне и Меце. На некоторых нацарапанных рисунках, сделанных тамплиерами, которых Филипп Красивый заключил в тюрьму замка Шинон, можно распознать восьмиугольник, вписанный в треугольник и в круг, т. е. геометрические формы, обладающие большой магической силой.

Исламское изображение рая в форме восьмиугольника.

Необходимо также упомянуть и число девять, в некоторых источниках указывается именно это число рыцарей, которые откликнулись на призыв Гуго де Пейнса, основателя Ордена. Число девять, как подчеркивает английский ученый Роджер Бэкон (1214- ок. 1293), или, точнее, девятый «дом» гороскопа связан с «паломничеством, поездкой, религией, верой и божеством».

Каталонский мистик Раймунд Луллий (1235-1316), который, заметим, обвинял тамплиеров в последний период этих трагических событий, считая, что они предали свой долг защищать Святую землю, писал, что было девять ступеней, ведущих в Небесный Иерусалим. Интересно напомнить, что в своих первых работах он был особенно восприимчив к некоторым понятиям и идеям из мистической литературы того самого ислама, который ему хотелось бы искоренить. Луллий умер в Тунисе, куда он отправился миссионером, его забросали камнями мусульмане.

*Портрет каталонского философа-мистика Раймунда Луллия, занимавшегося помимо прочего и алхимией («Великое искусство»), хотя и с иных позиций, чем те, которые высказывал Альберт Великий. Среди его многочисленных произведений можно назвать философский роман *Счастье созерцать чудеса света*, написанный в Париже в 1288-1289 гг., в котором чувствуется явное восточное влияние.*

Власть, позволяющая управлять судьбой «недругов»? Трагический конец Раймунда Луллия вызывает в памяти еще одну предполагаемую связь тамплиеров с магией в том смысле, как это приписывалось «ведьмам». Иными словами, они были в состоянии управлять судьбой своих врагов, насылая на них месть и проклятия. В этой связи очень важно отличать

факты (которые, естественно, могли быть и случайными) от легенды, безусловно, вызванной к жизни народной фантазией и суевериями.

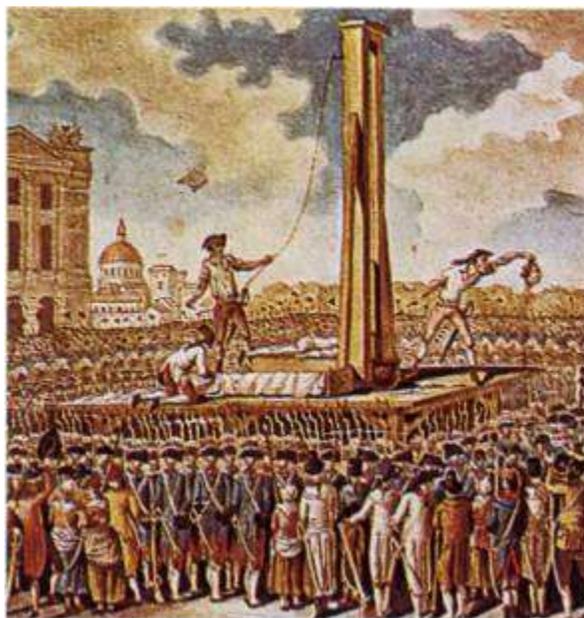

Девять ступеней., которые ведут в Небесный Иерусалим, как их описывает Раймунд Луллий в работе Liber de Ascensu.

Факты, помимо смерти Луллия, указывают на совпадения преждевременных смертей Гильома Ногаре и Гильома Плезана в 1313 г., когда еще шел процесс, который в следующем году привел на костер Жака де Моле, последнего Магистра Ордена, и Жоффруа де Шарне, наставника Нормандии. Всего лишь месяц спустя после казни, в ночь с 19 на 20 апреля, умирает Климент V в одном из замков в долине Роны. Наконец, в начале ноября этого же года, во время охоты на вепря («демонического зверя», согласно средневековым представлениям), у Филиппа Красивого случился апоплексический удар, который привел его к смерти 29 ноября (или декабря) 1314 г., в возрасте всего лишь сорока семи лет. Утверждается, что, по крайней мерс в отношении папы и короля Франции, Жак де Моле, восходя на костер, после того как он признал свою собственную слабость и ортодоксальность Ордена («Я виновен в страшной смерти, потому что во имя спасения своей жизни и чтобы избежать чрезмерных пыток, а самое главное окрыленный льстивыми словами короля и папы, я свидетельствовал против себя самого и против моего Ордена. Теперь, напротив, хорошо зная о том, какая судьба меня ожидает, я не хочу повторять уже сказанные лживые показания и хочу заявить, что Орден всегда занимал ортодоксальную позицию и был безупречен, а я охотно отказываюсь от жизни»), якобы произнес «проклятие», по которому они должны предстать пред Всевышним Судьей в течение года.

Как известно, такие близкие по времени смерти тех, кто был виновен в падении Храма, сильно поразили общественное мнение и, возможно, легли в основу легенды, приписывавшей последнему Магистру тамплиеров зловещую власть над судьбами «врагов». Эта легенда касается и конца французской монархии: это месть, которую Жак де Моле обратил в будущее, на четыре столетия вперед. Рассказывают, что, провозгласив свою невинность на костре, последний Магистр Ордена предсказал смерть последнего потомка Филиппа Красивого от руки тамплиера. Мы знаем, что Людовик XVI, последний король Франции,

последний потомок Филиппа Красивого, умер на гильотине в Париже 21 января 1793 г. И когда на эшафоте он спросил у палача его имя, то в ответ услышал: «Я тамплиер и нахожусь здесь для того, чтобы исполнить месть Жака де Моле».

Последняя месть Жаке де Моле, последнего А Магистра тамплиеров, свершилась, как говорит народная легенда, вместе со смертью Людовика XVI на гильотине (эстамп, на котором изображена пророческая казнь, хранится в музее Карнавале в Париже).

И чтобы еще больше сгустить краски, подчеркивается, что гильотина была изобретена медиком и ученым Жозефом-Игнатием Гильотеном, членом масонского Ордена, гордившегося тем, что он собрал и продолжил традиции Ордена.

Грааль

То, что называется Граалем (этимологически этот термин вызывает образ некоего сосуда), является, возможно, самым могущественным символом мистической духовности Средневековья.

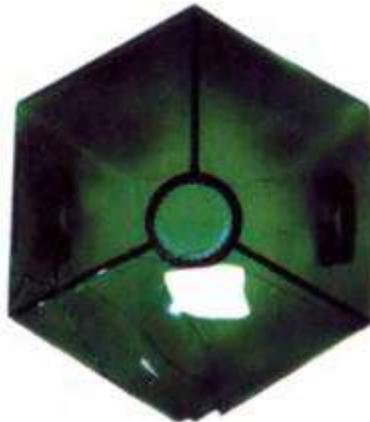
На первый взгляд, его можно определить как драгоценную реликвию: кубок, из которого испил Иисус во время Тайной вечери; чаша, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь, пролитую Иисусом на Кресте. Согласно распространенной легенде, Иосиф Аримафейский затем якобы переехал и перевез с собой реликвию в Британию, чтобы основать там первую христианскую общину в Гластонбери.

В *Perlevans le Gallois* (анонимном тексте, написанном на французском вульгарном языке между 1191 и 1212 г.) Гластонбери отождествляется с островом Авалон, куда смертельно раненный Артур был переправлен тремя дамами. Анонимный автор этого произведения, прощаясь с читателями, говорит, что латинский источник, откуда он взял рассказанную им историю, «был доставлен на остров Авалон в святой дом монахов... Там покоятся в могиле король Артур и его королева, как свидетельствуют благочестивые монахи, которые там проживают...». Название «Святой дом» с полным основанием могло быть навеяно наименованиями поселений тамплиеров на Западе.

Иосиф Аримафейский (икона написана английским монахом из Братства Серафима Саровского, весьма вероятно, под влиянием евангельских апокрифов).

Если связь между Гластонбери-Авалон-тамплиерами ведет в указанном направлении, то можно было бы более углубленно проникнуть в суть эзотерических характеристик ордена, используя этимологию, которая применяется для «острова Авалон». По всей видимости, название происходит от Isle of Apples, или «Остров яблок» (abal, afall, avallen и avallo обозначают яблоко в различных языках, принадлежащих к кельтской группе). Символическое значение понятия «яблоко» весьма широко, и оно, между прочим, может подразумевать соединение противоположностей (мужского семени и женской округлости) или же, если этот плод отравлен, то неизбежность смерти, поскольку за нею последует возрождение, как это происходит почти во всех ритуалах посвящения. Такие же значения отмечаются в культурном субстрате цикла романов о короле Артуре, в легендах о Граале, а психолог М.Л. фон Франц, занимавшаяся изучением этих значений, пришла к заключению, что яблоко «потенциально обладает возможностью осознания, "познания Бога" путем познания противоположностей, Добра и Зла, заключенных в нем самом».

«Священное блюдо», из которого Иисус якобы вкушал пасхального ягненка, хранящееся в ризнице собора Сан Лоренца в Генуе, куда оно попало после завоевания Цезарей генуэзцами (1101). Речь идет о чаше из зеленого стекла, которое раньше принимали за изумруд. Возможно, поэтому ее считали Граалем, описанным Вольфрамом фон Эшенбахом.

По более поздней версии считается, что Грааль сначала был драгоценным камнем, изумрудом, выпавшим из короны Люцифера на землю во время битвы ангелов, которые остались верны Богу, с теми, кто выбрал зло. Однако не столько реликвия сама по себе имеет

отношение к тамплиерам, сколько символический смысл, связывающий ее с идеей духовного пробуждения и поиска внутреннего совершенства.

Этимологическое уточнение

Слово graaus-graal, появившееся в лангедойле (языке Северной Франции) начиная со второй половины XII в., с большой степенью вероятности является переводом латинского слова gradalis, использованное в узком смысле одним фламандским монахом для обозначения тарелки или блюда, из которой вкушал Иисус во время Тайной вечери и в которую затем была собрана кровь Иисуса после Его Распятия. С другой стороны, во многих районах Франции, с ее многочисленными местными диалектами, это слово было распространено как имя нарицательное для обозначения домашней посуды, в которой хранили продукты. Это позволяет признать правоту тех филологов, которые считают, что слово появилось в результате слияния латинского crater (сосуд для вина) и vas gradale (сосуд, в котором римляне хранили рыбный соус под названием garum). Согласно мнению ученых, вызывающему меньшее доверие, это слово происходит от gradale или gradale, обозначающих предшествующее литургическое чтение Евангелия на мессе. Еще менее заслуживают внимания производные слова graal от gre' или agre'er (нечто приятное, что приносит пользу) или от слов Saint Graal от Sang Rea, что означает «Кровь Христа».

Источниками для изучения как символических значений Грааля, так и его связи с тамплиерами по преимуществу являются литературные произведения.

Наиболее значимые сведения приводит поэт Кретьен де Труа (город в Шампани, недалеко от которого жил основатель Ордена и где состоялся Собор, утвердивший его создание), который примерно в 1182 г. написал поэму Персеваль Галльский, или Баллада о Граале. В кульминационном эпизоде Персевалу, персонажу, связанному с бретонским циклом романов о рыцарях Круглого стола, является видение в образе рыцаря, вооруженного копьем, с которого капает кровь, в сопровождении двух юношей, несущих золотой канделябр, и прекрасной девушки, держащей вазу, от которой исходит ослепительный свет.

Тамплиерская печать, созданная для современных «тамплиеров св. Бернара», которая вызывает в памяти описание внутреннего убранства Храма Грааля, сделанное фон Шарфенбергом.

Другой поэт швейцарского происхождения, Робер де Борон, в своей Истории о Граале также упоминает окровавленное копьё, которым был пронзен Христос, и сосуд с его кровью.

И еще: на рубеже веков между 1100 г. и началом следующего века немецкий поэт Вольфрам фон Эшенбах написал поэму Парцифаль, в которой Грааль представлен в виде камня, обладающего чудодейственной силой («Самое прекрасное сокровище небес, источник и предел всех радостей») и питающего того, кто его хранит, даря ему красоту и молодость. Наконец, примерно в 1270 г., Альбрехт фон Шарфенберг продолжил эту тему, написав повесть Младший Титурель.

Интересной деталью таинственной легенды является тот факт, что поиск Грааля, хранящегося в потаенном месте, – высший смысл жизни рыцаря и что это место описывается

как Храм, возвышающийся «на широкой и высокой ротонде, увенчанной куполом» и окруженный «двадцатью двумя капеллами в форме восьмиугольника». (Фон Шарфенберг добавляет, что на куполе изображены Солнце и Луна, а замком свода служит изумруд, на котором изображен агнец, несущий на себе крест.) Кроме того, фон Эшенбах называет «тамплиерами» рыцарей, охраняющих Грааль и Храм.

Сомнительно, что «тамплиеры», о которых говорит немецкий поэт, были историческими тамплиерами, однако весьма вероятно, что слава и авторитет настоящих тамплиеров побудили писателей того времени использовать и обогащать символами, связанными с Орденом, символику более древнего «мифа». И все же географические и хронологические совпадения в этих литературных произведениях с некоторыми деталями истории тамплиеров, а также толкование Грааля как всеобъемлющего духовного послания не позволяют отказаться от рассмотрения этого вопроса, считая его результатом чистого вымысла.

Во-первых, прежде всего благодаря поэме Парцифаль фон Эшенбаха, в которой Грааль представлял собой «камень», появилась возможность связать его с алхимическими тайнами, носителями которых могли быть некоторые члены Ордена.

Средневековый монастырь Монсеррат. В этом труднодоступном месте Пиренеев, согласно одной легенде, хранилась реликвия – Грааль под защитой рыцарей, которые для выполнения этой миссии принимали специальный обет.

Во-вторых, верность Добру и непримиримая ненависть к Злу, руководящее «правило» в жизни Templiersen, вызывают в памяти движение катаров, подвергавшихся на протяжении двадцати лет жесточайшему преследованию со стороны папства и французской монархии в момент наивысшего расцвета тамплиеров. (Среди многочисленных зверств, жертвами которых стали эти «еретики», достаточно напомнить о событиях, которые произошли в Безье в 1209 г. Тогда город был разграблен, а все его жители, которых насчитывалось около пятнадцати тысяч, были убиты.) Это, однако, не означает, что тамплиеры примкнули к ереси, но нельзя исключить такую возможность, что некоторые катары, оставшиеся в живых, нашли убежище в Ордене (который был слишком независимым от светских властей и принимал в свои ряды даже преследуемых лиц), лишь бы они соблюдали Устав Ордена, и как следствие происходил обмен духовными ценностями в рамках Ордена.

Тамплиеры и Женское Начало

Чуть больше века спустя после конца тамплиеров христианско-рыцарский идеал, который лег в основу Устава Ордена, казалось, снова возродился в лице одной женщины: Жанны д'Арк. Этот персонаж тесно связан с историей продолжительного конфликта между Францией и Англией (Столетней войны 1337-1453). Крестьянка из Лотарингии услышала глас

Божий, призывавший ее освободить Францию, захваченную врагами. Получив под свое командование армию, ей удалось в 1429 г. заставить их капитулировать в битве при Орлеане, а затем отвоевать французские земли до самого Реймса. В 1430 г. в Компьене она была взята в плен бургундцами и за денежное вознаграждение передана англичанам. Англичане приговорили Жанну к сожжению на костре (1431), устроив процесс, на котором ее обвинили в ереси и колдовстве, т. е. предъявили те же обвинения, которые были выдвинуты против тамплиеров. Национальные чувства, единственная в своем роде личность женщины-рыцаря, доблесть, проявленная в битвах и великое мужество перед лицом смерти стали поводом для возникновения многочисленных легенд вокруг этого образа, тесно переплетавшихся с легендами о тамплиерах, с которыми, как казалось, у нее было много общего.

Жанну д'Арк обучил владению оружием ее оруженосец Жан д'Олон, который, как гласит легенда, был связан с тайной организацией Ордена, которой удалось сохраниться. При встрече с будущим королем Франции Карлом VII, состоявшейся в Шиноне, где Филипп Красивый держал заключенных тамплиеров, «Орлеанская дева» якобы открыла наследнику французского трона свою принадлежность к Храму и предала себя его власти в интересах защиты родины, поскольку принц не был прямым потомком Филиппа Красивого. Очевидно, в народном представлении решающее значение имели некоторые впечатляющие совпадения: «вооруженная» вера Жанны, единство места действия – Шинон, обвинения и смерть на костре.

Жанна д'Арк, как ее изобразили на полях официального отчета об осаде Орлеана в 1429 г.

Не такой хрупкой оказывается связь, объединяющая тамплиеров с Женским Началом, рассматриваемым в качестве побудительной причины или религиозного архетипа.

Известно, что в одном из листов обвинения по процессу говорилось – и это вероятное недоразумение – о поклонении сверхъестественным женщинам и демонам в женском облике, которые появлялись рядом с Бафометом (см. с. 70). Принимая гипотезу, согласно которой тамплиеры высших ступеней посвящения приобщались к своего рода эзотерическому религиозному синкретизму (см. с. 74), можно вспомнить о наличии Женского Начала в концепции божества, как в гностицизме (София), так и в еврейской Каббале (Шекина), и в исламском суфизме (Шахина). По мнению некоторых ученых, Грааль является именно глубинным символом любящего материнского чрева, а самой Деве Марии, в Литании, даются такие определения, как «духовный сосуд, сосуд чести, неоценимый сосуд благочестия». Действительно, через ее лоно Бог явился людям и начал свой путь во имя Спасения человечества. В Марии-Граале, таким образом, приобрел христианские черты и возродился древнейший символ материнского плодородия, который присутствует во всех древних религиях. Мы знаем, что тамплиеры были особенно привержены Деве Марии, возможно благодаря влиянию св. Бернара. В этой связи необходимо вспомнить, что на костре Жак де Моле попросил разрешения – и получил его – умереть, обратив взор на собор Парижской Богоматери.

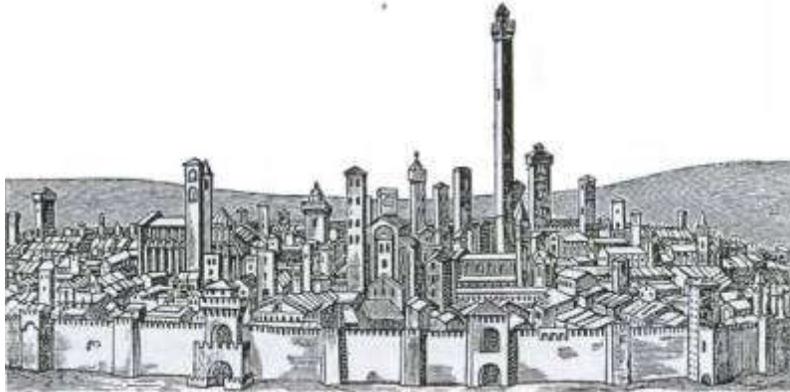

В Раю Данте (гравюра Г. Доре к песне XXXI, где изображено видение Девы Марии) св. Бернар, написавший Устав тамплиеров, сопровождает Данте, готового предстать пред Богом, и вверяет его заступничеству Святой Девы, большим приверженцем которой был святой.

Верные приверженцы любви

В свое время были отмечены различные точки соприкосновения между «ересью» катаров и мифом о Граале, а также возможность включения в объединяющую их культурно-историческую канву и тамплиеров (см. с. 80-83). Этот аргумент требует более глубокого рассмотрения, поскольку в этот же контекст следует поместить и трубадуров. Эти странствующие поэты, ставшие выразителями культуры, процветавшей при богатых окситанских (провансальских) дворах XII века, распространяли по миру ее моральные и духовные ценности. Несмотря на то что темой их поэтических произведений была куртуазная любовь, они, хотя не все и не всегда были целомудренны, восхваляли, как и катары, добродетель целомудрия, а женщины, воспетые в их стихах, в большей степени являлись обожаемыми символами женственности и своего рода стимулом и вызовом для достижения совершенства, а не реальные и конкретные персонажи. Как писал трубадур Ук де Сен-Сир в XIII веке: «Любить – значит стремиться к небу при помощи женщины».

Трубадуры встречали теплый прием и при дворах Северной Италии, и при дворе Фридриха II в Сицилии, оказывая глубокое влияние на зарождающуюся итальянскую поэзию на итальянском языке. С сицилийского двора этот жанр достиг Болоньи, где поэт Гвидо Гвиницелли стал основателем «нового сладостного стиля». И именно с этого момента можно вернуться к разговору о тамплиерах, но очень аккуратно и осторожно, что необходимо при рассмотрении эзотерических тем.

Болонья (гравюра, на которой изображена панорама города в период зарождения «нового сладостного стиля»).

Некоторые утверждают, что отношения, которые сначала связывали между собой провансальских поэтов, а впоследствии и приверженцев нового стиля, а также аллегорический язык, которым они пользовались, следует интерпретировать в эзотерическом ключе и даже можно говорить о тайной преемственной связи с Орденом Храма. В частности, что касается «нового стиля», то следует подчеркнуть, что это направление распалось одновременно с осуждением и упразднением Ордена и что Данте Алигьери и Гвидо Кавальканти – наиболее выдающиеся его представители – находились в Париже в этот драматический отрезок времени. В этом ключе рассматривается также приговор, вынесенный Данте в Божественной комедии Филиппу Красивому, и в частности стихи, вложенные в уста Гуго Капета, выразителя взглядов поэта: Когда ж, Господь, возвеселюсь, узрев Твой суд, которым, в глубине безвестной, Ты умягчаешь твой сокрытый гнев? (Чистилище, XX: 94-96. Пер. М. Лозинского). После уничтожения тамплиеров «секта верных приверженцев любви» распалась, ослабленная также внутренними противоречиями. На это намекает Данте в своей работе О народном красноречии, отмечая существование двух народных наречий, на которых говорили в Болонье, что следует понимать в метафорическом смысле (нет исторических свидетельств, подтверждающих наличие двух диалектов), как бы указывая на два идейных направления в рядах «верных в любви».

«Дама» (на илл. изображение из рукописи, хранящейся в Библиотеке Эстенсе в Модене) наделялась в любовной лирике позднего Средневековья ярко выраженным символическим смыслом, и как и Деву Марию, ее считали проводником мужчины между Землей и Небом.

Кроме того, с тамплиерами связывают сонет Данте «о Гарисенде». Вид этой известной болонской башни привлек внимание поэта, не позволив ему увидеть ту... которая еще больше этой, о которой идет речь. Поэт заявляет, что его вечными врагами будут те, кто не признает верховенства этой другой башни (хотя некоторые ученые полагают, что речь идет о даме). Теперь известно, что на улице Страда Маджоре в Болонье (которую Данте упоминает как район, где говорили на одном из двух наречий) располагался Региональный дом тамплиеров и что рядом с церковью (Санта-Мария дель Темпью) возвышалась башня, называемая «Главной», разрушенная в XIX веке. Эта башня находилась на визуальной линии, которая шла от улицы Страда Маджоре до Гарисенды.

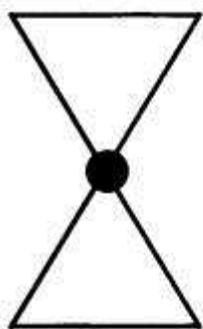
Таинственная архитектура

Важным аспектом средневекового эзотеризма, где среди религиозно-мистических братств преобладали те, которые хранили тайну полученных знаний и имели жесткую организационную структуру, является связь с занятиями ремеслами и знанием особых технических приемов и методов. В этой сфере архитектура стала играть выдающуюся роль, когда с упадком феодального строя начали возрождаться города, а их жители стали с гордостью воплощать в кафедральных соборах свою религиозную и гражданскую общность.

Уже со времен Каролингов те, кто был связан с зодчеством, стали объединяться в братства; бригады мастеров переезжали из одного города в другой, и такой образ жизни способствовал все большему укреплению связей внутри таких коллективов, а не с местным населением. Со временем усилился закрытый характер таких братств, благодаря, с одной стороны, техническим знаниям, передаваемым, по традиции, на протяжении очень длительного времени (они определяли общественную и психологическую самобытность группы и поэтому не должны были выходить за ее пределы), с другой – религиозному характеру цеховых связей. В братствах имелись свои тайные церемонии и ритуалы, а также обряд посвящения.

Возможно, из-за существующей тенденции приписывать тамплиерам все то, что в какой-то степени связано с таинственным и магическим, а возможно, благодаря целому ряду действительных совпадений, многие считают, что Орден сыграл первостепенную роль в расцвете строительства готических соборов, построенных странствующими мастерами, объединенными в братства тайного типа и хранившими секреты технических знаний и религиозно-мистического и символического значения своих сооружений. Однако и в этом случае необходимо отличать легенды от документально подтвержденных данных.

Исследования Шартрского собора позволили определить, что от небольшого холма, на котором он стоит, окруженный подземной галереей, исходят из-под земли мощные вибрации, поэтому возвышающиеся над ним каменные конструкции испытывают воздействие очень сильной космической энергии. Выбор этого места, на котором ранее располагался кельтско-римский храм, означает непрерывность традиции передачи древних тайных знаний, согласно которым священное сооружение должно было подтверждать центральное положение человека в бесконечности.

Космические влияния

*Положение человека на слиянии
вибраций, обнаруженных в Шартре*

Теллурические (земные) влияния

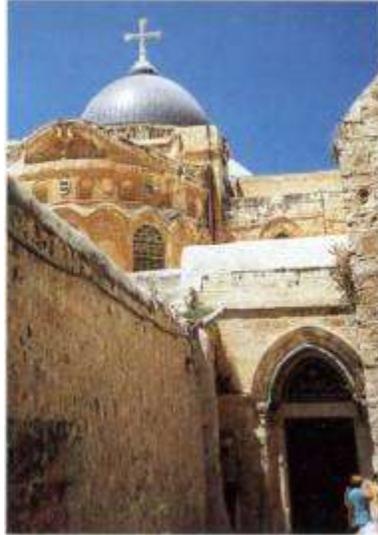
Среди самых впечатляющих легенд следует вспомнить одну, в которой говорится, что любой собор может рассыпаться как карточный домик, если найти «замок всех замков», т. е. тот единственный, тайный элемент конструкции, на котором якобы держится поражающее нас по сей день удивительное равновесие разнонаправленных сил. Говорят, что именно тамплиеры, поселившиеся в подземных помещениях Храма Соломона в Иерусалиме, обнаружили там документы, содержавшие древнееврейские тайные знания, а именно Божественные законы чисел, весов и мер, и передали их братствам, связанным с Орденом, чтобы те могли воспользоваться ими при возведении строительных сооружений. Таким образом, тамплиеры сделали зодчих готических соборов духовными наследниками Хирама, мифического создателя Иерусалимского храма.

Шартрский собор по праву считается шедевром французской готики. (1194-1245).

Если же обратиться к фактам, то действительно наивысший расцвет строительства готических соборов хронологически совпадает с развитием Ордена тамплиеров во Франции, одновременно с его военным присутствием в Святой земле. Также верно и то, что сравнительное изучение кафедральных соборов, начиная с мест их расположения, позволяет обнаружить, что при их строительстве использовались знания, которые только совсем недавно стали доступны людям, такие, например, как геобиология (изучение земной радиации, космических волн, волн различной формы и их влияния на окружающую среду и здоровье). Верно и то, что иконографические темы (статуи, рельефы, капители, декоративные полы, витражи...), помимо бросающихся в глаза священных символов, содержат много других, которые можно отнести к магии и алхимии. Но все это не является безоговорочным доказательством участия тамплиеров.

Доказательством этому могло бы послужить наличие в гербах различных строительных братств (включая краснодеревщиков и плотников), например в Болонье, креста с удлиненными концами. Этот символ-подпись мастера вырезали в неброских, незаметных местах на стенах многих итальянских и европейских церковных сооружений... В Болонье этот символ часто повторяется в архитектурном комплексе собора Св. Стефана, который, согласно традиции, был построен вернувшимся из Святой земли св. Петронием (V в.) на месте храма, который раньше был посвящен Исиде, чтобы воспроизвести христианские сооружения, возведенные императором Константином и его матерью Еленой в Иерусалиме. Один из элементов комплекса, который называется «ротонда», представляет в плане пусть и не совсем правильный восьмиугольник, как иерусалимская базилика Гроба Господня и наиболее значимые церкви тамплиеров: их реконструкция в ныне существующей форме восходит к XII веку, когда в этой части города активно действовал региональный Дом тамплиеров.

Базилика Гроба Господня в комплексе Св. Стефана в Болонье, а вверху одноименная «модель» в Иерусалиме.

Стаффардское аббатство – другое специфическое сооружение в провинции Кунсо. Аббатство, будучи резиденцией общины цистерцианцев, было посвящено Пресвятой Деве Марии и связано с именем св. Бернара. Его характерной особенностью является полная асимметрия структурных элементов, от пилястров до капителей, от арок до фриз. Но самое удивительное заключается в том, что человеческий глаз этого не замечает благодаря изменениям перспективы и оптическим эффектам, которые были успешно использованы зодчими. Если сооружение стремится быть «зеркальным отображением природы», то уникальность каждого отдельного элемента находит свое объяснение и в то же самое время документально подтверждает религиозность братств средневековых зодчих, считавших свою работу подобной работе Создателя. Тайные знания тех, кто возводил аббатство, проявляются также в выборе места, центре древнего культа Солнца, и в том, что сооружение ориентировано точно по солнечной оси, лучи которого на рассвете касаются алтаря, в

полдень достигают колокольни, а на закате освещают главный вход. Фактом является и то, что на немногочисленных полотнах Стаффардского аббатства встречаются тамплиерские кресты и часто используется белый, красный и черный цвета, т. е. цвета, связанные с алхимией.

Санта-Мария - ди Стаффарда в провинции Кунсо – сооружение, которое многие связывают с тамплиерами.

Возможно, не случайно современные тамплиеры в 1992 г. выбрали это место для европейской встречи и приема новых членов.

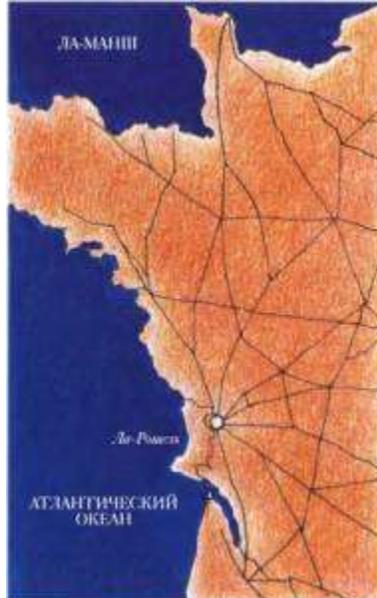
Тайна Ла-Рошели

В течение всего времени, когда тамплиеры находились в Святой земле, основной заботой Ордена в Европе было обеспечение всем необходимым братьев, с оружием в руках защищавших паломников и христианские государства. Известно, что когда тамплиеры не прибегали к услугам итальянских приморских республик, они переправляли все грузы в Апулию и грузили их на корабли, которые выходили в море из порта Бриндизи. Орден, кроме того, держал под контролем целый ряд других портов в Европе, что объясняется разнообразием и размахом его экономической и торговой деятельности.

Напротив, совсем нелегко найти объяснение такому факту, как стремительное развитие атлантического порта Ла-Рошели в Бискайском заливе после того, как Орден создал там Провинциальный дом, тем более что для связи с Испанией и Португалией использовались наземные пути. И не только это: вокруг этого порта, защищенного стенами, превратившими его в настоящую крепость, тамплиеры создали плотный пояс командорств, что позволяло им полностью контролировать дороги, ведущие к порту. Десять из самых важных «дорог тамплиеров» (получится густая сеть, если соединить линиями поселения Ордена по всей территории Франции) заканчивались в Ла-Рошели.

Эти «факты» поборники таинственных теорий использовали для выдвижения привлекательной гипотезы, что среди ревностно охраняемых Орденом тайн было также знание, за три века до Христофора Колумба, о существовании американского континента и путей его достижения. Ла-Рошель должна была стать местом отплытия и возвращения и флота тамплиеров. Этим можно было бы объяснить, почему маленький рыбацкий поселок смог так быстро разрастись после того, как тамплиеры взяли его под свой контроль, а также мощные оборонительные сооружения, защищавшие город со стороны моря и на суше. Это могло бы также объяснить, почему, одновременно с подъемом Ла-Рошели, во Франции стало быстро распространяться хождение серебряной монеты, хотя в то время в Европе имелись

лишь незначительные или еще не разведанные залежи этого металла. Тамплиеры, выступая в роли банкиров, имели на самом деле очень большое влияние на денежное обращение, и ничто не могло помешать им обратить в деньги запасы серебра, привезенного из богатых месторождений в Мексике, которая и по сегодняшний день является одним из крупнейших мировых производителей этого металла.

На рисунке показана часть Атлантического побережья Франции, выходящего к Бискайскому заливу, где находится Ла-Рошель, и на которой видно расположение поселений тамплиеров в XIII в. Их концентрация вокруг Ла-Рошели очевидна и, по сравнению с остальной территорией Франции, сравнима только с плотностью поселений вокруг Парижа.

Жак де Майе, который в своей книге Тамплиеры в Америке пылко защищает эту гипотезу и увязывает ее с другой темой, близкой сердцу сторонников оккультизма, якобы практиковавшегося тамплиерами: стремительно увеличившееся богатство Ордена благодаря серебру, привезенному из Америки, предназначалось, помимо прочего, для финансирования строительства готических соборов.

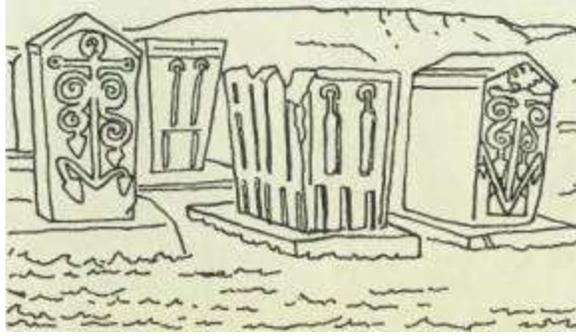
Ла-Рошель. Во времена расцвета тамплиеров представляла собой самую настоящую крепость, однако от древних стен сегодня остались только две массивные башни, которые защищают порт.

В дали времен

Исследования обрядов посвящения, контактов с Богом, которые выходили бы за пределы различных, чисто человеческих представлений, возникших в различных религиях, тенденция к созданию тайных организаций, оккультизм и магическая практика (независимо от того, давала она или нет обладание реальной властью), а также обстановка страха и тревоги, распространившаяся в народе и подпитываемая церковью, перед ересью и колдовством... – все это составные элементы той исторической обстановки, в которой необходимо рассматривать вопрос о тамплиерах, потому что речь идет о значимых и реальных элементах средневековой «культуры». Но если некоторые аспекты истории тамплиеров из-за недостаточности и пристрастности источников остаются неясными, это не дает основания для того, чтобы принять и согласиться с теми выводами, которые были сделаны по прошествии веков: в этой связи можно лишь проследить зарождение и развитие современного «мифа».

Агриппа Неттесхеймский: «магия естественная» и «магия черная»

История ордена тамплиеров, так и оставшаяся неопределенной в ходе постепенно затухавшей дискуссии между сторонниками их «невинности» и «виновности» вплоть до эпохи Возрождения, вновь оказалась в центре внимания после того, как о ней заговорил известный ученый гуманист Генрих Корнелий Агриппа Неттесхеймский (1486-1535) в своем трактате *De occulta philosophia* («Об оккультной философии»). Как и большинство «магов» эпохи Возрождения, Агриппа путешествовал по всей Европе: он побывал в Кёльне, Париже, в Испании, Италии и даже в Бриндизи, чтобы заручиться поддержкой своего проекта, изначально утопического, возрождения общества и культуры на принципах герметизма. В другом своем сочинении *De incertitudine et vanitate scientiarum* («О ненадежности и тщетности наук») он изложил теорию, согласно которой естественная магия, в отличие от черной, или демонической, магии, в состоянии творить «невероятные чудеса, не столько благодаря искусству, сколько благодаря природе, которой это искусство подчиняется». «Добрые» маги, таким образом, являются «усердными исследователями природы», способными «предвосхитить» те результаты, которые природа сама создаст со временем. Среди примеров второго типа Агриппа в трактате *De occulta philosophia* называет «отвратительную ересь тамплиеров». И далее он добавляет, что «такого же рода должны были быть прегрешения, которые, как известно, совершают ведьмы в своем старческом безумии», и включает в этот перечень также богомилов, христианскую секту, распространившую свое влияние на Балканах начиная с XI века и стоявшую на позициях, близких к катарам. Но автор касается этой темы мимоходом. Агриппа не объясняет, почему он объединил вместе тамплиеров, ведьм и богомилов. Но трактат *De occulta philosophia* был самой читаемой и авторитетной из всех оккультных книг эпохи Возрождения. Таким образом, без появления каких-либо новых сведений, помимо тех, которые были обнародованы в ходе процесса, сложилось твердое убеждение, что тамплиеры занимались магией.

Саркофаги некрополя богомилов в Радимле, в окрестностях Столока (Босния и Герцеговина). Вполне вероятно, что Агриппа упоминает секту богомилов, возникшую в рамках Византийской церкви, пользуясь сведениями из вторых рук, не проверив достоверность приписываемых им мерзостей. Но жесткий религиозный дуализм секты и постоянное присутствие солнечного символа (свет как первопричина Добра) доказывают ее близость с ересью катаров, с которыми тамплиеры, безусловно, поддерживали связи.

Жан Боден – «противоречивый» мыслитель

Генрих Корнелий Агриппа Неттесхеймский, возможно, самый известный «окультист» эпохи Возрождения.

Несколько десятилетий спустя после опубликования работы Агриппы к делу тамплиеров обратился Жан Боден (1530-1596), французский политический мыслитель, который проанализировал отношения, складывавшиеся в различные исторические эпохи между законной политической властью и идеологически чуждыми ей меньшинствами, которые обязательно становились объектом преследования и диффамации. В ряду рассматриваемых примеров тамплиеры оказываются вместе с первыми христианами, гностиками и евреями. Боден считает, что невиновность ордена была неопровержимо доказана немецкими эрудитами и Жак де Моле, а с ним и все тамплиеры не могли не стать жертвами под градом обвинения, цинично выдвинутых против них с единственной целью создать предлог для конфискации всего имущества Ордена.

Магические сцены (картина неизвестного художника XVI в. Париж, библиотека Школы изящных искусств).

Тонкий французский мыслитель, противореча самому себе, почему-то не занял такую же рациональную и толерантную позицию по поводу «охоты на ведьм», которую он считал оправданной. Однако основная заслуга его работы заключается в том, что он перенес обстоятельства дела тамплиеров из исторической плоскости в плоскость теоретической абстракции (его аргументация, между прочим, была использована в исторической дискуссии о притеснениях нацистами евреев и так называемых сталинских чистках). Он не только предложил концепцию «угнетенного меньшинства», в поддержку принципа толерантности, но и заложил основы теории «козла отпущения» в социальной психологии, когда общество или отдельный индивид освобождаются от своих тревог и страхов, а также чувства вины, перенося их на группы или отдельных лиц и оплачивая собственные счета перед лицом вечного зла через «козлов отпущения».

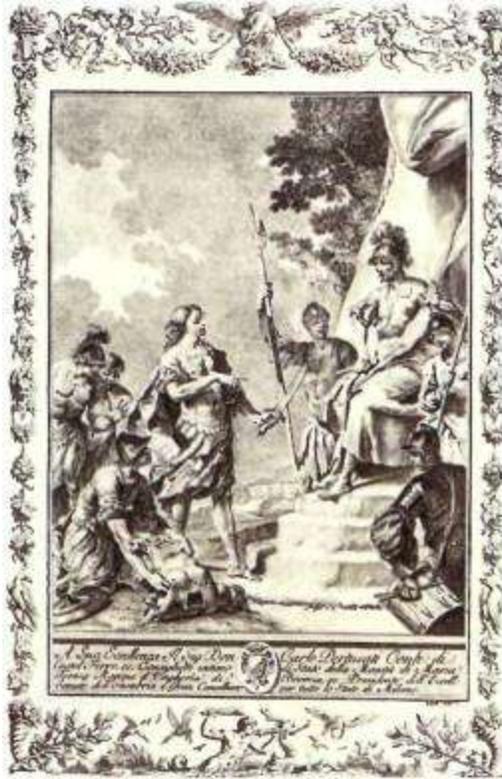
Две ведьмы готовят магический настой (из работы У Монитора, опубликованной в 1489 г.).

«Странно, что Боден, один из величайших умов своего времени, собравший большое количество примеров, к которым впоследствии обращались все просвещенные писатели для доказательства того, как извращенные люди могли использовать в политических целях некоторые злонамеренные фантазии, сам верил в самую извращенную и злобную из этих фантазий». Так говорит П. Партнер по поводу взглядов Бодена о колдовстве.

От Возрождения до барокко

Историческое рыцарство уже потеряло реальные черты в эпической средневековой литературе, которая представляла образ «паладина» в идеализированной и христианизированной форме. После обращения к этой теме в Италии, предпринятого Боярдо (*Влюбленный Роланд*) и Ариосто (*Неистовый Роланд*) в эпоху Возрождения в фантастическом и светском ключе, Торквато Тассо в своей поэме *Освобожденный Иерусалим* вновь вернулся к нравственному образу «рыцаря Христа» и идеалам крестовых походов. В этом контексте нет необходимости анализировать влияние на Тассо Контрреформации или ту роль, которую сыграла его религиозная совесть. Здесь важно подчеркнуть то влияние, которое поэма оказала на воображение читателей, укрепив священный символ Храма, а также магическое и демоническое ведение Востока и ислама. В качестве примера очень показательны стихи, предшествующие появлению султана:

Несет на страшном и огромном шлеме Солдан / змею, которая вытягивается и раздувает шею; / она привстает на лапах и расправляет крылья, / и изгибает дугой раздвоенный хвост; / кажется, что тремя он ворочает языками и брызжет ядовитой слюной, издавая при этом свой громкий свист.

Так Джованни Баттиста Пьяццетта (1683-1754), крупный итальянский живописец XVIII в., изобразил один из эпизодов из Освобожденного Иерусалима. Веское художественное дополнение к венецианскому изданию произведения в 1145 г. документально подтверждает, какой живой интерес пробудил Тассо к фигуре «рыцаря Христа» и к экзотическим сценам крестовых походов.

Появляются признаки возрождения интереса к рыцарству и теме «священной войны», в том числе и за пределами Италии: Георг Бек, главный церемониймейстер Якова I, короля Англии (1608 -1625), также отдал дань уважения образному представлению рыцарства в произведениях Ариосто и Тассо. Он не только определил печать тамплиеров как «иероглифику религиозного благородства и светской воинской учтивости», но и публично возвеличил Орден за мужество, с которым он встал на защиту христианских ценностей.

В конце XVII века, после того как братья Пьер и Жак Дюпои, хранители Королевской библиотеки в Париже, опубликовали акты процесса над тамплиерами, французский историк Этьен Балюз уделил большое внимание этому событию в работе Жизнь авиньонских пап. И в этом случае не столь важна позиция, занятая Балюзом в пользу Филиппа Красивого, как тот факт, что он стал пересматривать статьи обвинения и тем самым привлек внимание к темным сторонам средневековой истории, которая немногим более века спустя стала модной темой различных романов.

Впечатляющий вид на Авиньон, бывшей резиденции пап начиная с Климента V (1305-1314) до Григория XI (1310-1318), который восстановил папский престол в Риме за год до смерти. Этот исторический отрезок времени был внимательно изучен французским историком Этьеном Балюзом в его работе Жизнь авиньонских пап (1693), вместе с которой возобновилась дискуссия о роли Климента V в деле тамплиеров.

Кроме того, не следует забывать и тот интерес, который во времена барокко вызывали крупные процессы, открыв путь публицистике, предшествовавшей появлению журналистики. Громкое судебное дело наполнялось драматическими деталями и, кроме того, отвечало нравственной потребности в справедливости и психологической потребности поиска «козла отпущения». Примером этому может служить знаменитый «процесс над распространителями чумы», упоминаемый Мандзони. Этот нездоровый интерес к чудовищному преступлению или тайному заговору, способному перевернуть все общество, а также к ритуалам отправления людского правосудия и способам исполнения смертных приговоров не истощился и в наши дни.

«Свет» и тени XVIII века

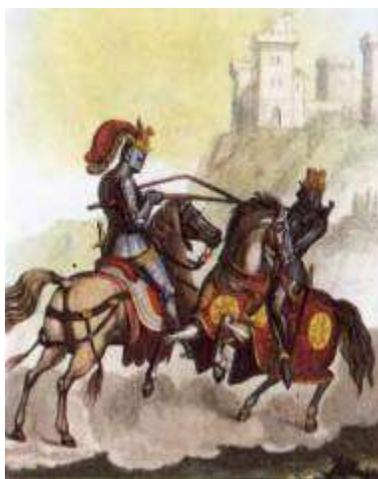
Просвещение, ставшее одним из самых значительных культурных течений XVIII века, характеризуется борьбой, которую вели интеллектуалы против всех форм косности в области знания, и полемикой, на грани сарказма, против догматизма и суеверия. В частности, предметом критической переоценки стала вся история Запада или, точнее, 'то толкование, которое ей было дано и утверждено Церковью. Такой, например, была попытка Эдуарда Гиббона (1737-1794), одного из самых видных представителей эпохи Просвещения, автора Истории упадка и разрушения Римской империи, который, между прочим, обратил внимание на отнюдь не религиозный и не бескорыстный дух крестовых походов. Вольтер (1694-1778) также предпринял аналогичную попытку объективного анализа истории тамплиеров, единственная вина которых заключалась в чрезмерной гордыне и слишком большом богатстве, что побудило государство и Церковь пойти на временный союз для их уничтожения. В итоге Вольтер определил причину трагической судьбы Ордена как результат «отвратительных последствий времен невежества и варварства».

Однако эта необходимость «пролить свет» на прошлое и настоящее, которую испытывали просветители, не является единственной отличительной чертой культуры XVIII века. Помимо бурного развития, которое в этом веке получили тайные общества, с чем связан феномен храмовничества в узком смысле (см. с. 110), необходимо напомнить, что именно в это время были заложены политические, социальные и культурные основы для становления буржуазии. Для будущего господствующего класса дворянство, от которого буржуазия освободилась таким кровавым образом во время Французской революции, продолжало сохранять авторитет и большую привлекательность. Этим можно объяснить продолжительный интерес к рыцарству, тем более что с возникновением самых различных «орденов» в них получили доступ нувориши, люди, добившиеся успеха в свободных профессиях, или высокопоставленные гражданские чиновники, у которых не спрашивали подтверждения их аристократического происхождения.

*Портрет Чезаре Беккария, итальянского просветителя, который в работе *О преступлениях и наказаниях* (1764) требовал глобального пересмотра юридической системы, в частности отмены пыток как ужасного пережитка Средневековья, порождавшего «доказанное зло, в то время как преступление человека, который им подвергается, еще совсем не является таковым». Парадоксально, что именно борьба просвещения против мрака и ужасов Средневековья, закрепившая за ним однобокий образ, мрачный и тревожный, способствовала возникновению «черного» стиля, который трансформировался в «готический» роман.*

Правительства со своей стороны поощряли это пристрастие не только потому, что продажа почетных титулов приносила хороший доход в казну государства, но и потому, что это был один из способов укрепить связи нарождавшегося класса с государственной властью и обеспечить его поддержку.

*Иллюстрация из *Истории и анализа старинных рыцарских романов и романтических поэм Италии* (1828), прекрасно передающая сценический и салонный характер, который вот уже два века сопровождает работы о рыцарстве.*

Таким образом, во всей Европе огромным успехом, наряду с книгами по истории монашеских, духовных и рыцарских орденов, пользовались иллюстрированные рыцарские словари, в которых основной упор делался на роскошных костюмах и привлекательной

символике. Достаточно напомнить одно из первых таких произведений (Ф. Буонанни Иллюстрированный каталог рыцарских и военных орденов. Рим, 1711), где тамплиеры, которых называют «самым благородным орденом из всех», облачены в такие фантастические доспехи, что напоминают римских легионеров. Более поздние произведения также не отличаются исторической точностью, и это говорит о том, что речь шла о самой настоящей «салонной» моде, противоречившей устремлениям просветителей к серьезной, критической и общественно направленной культуре.

Тамплиеры-«романтики»

В последние десятилетия XVIII века, в Европе, начиная с Англии, быстро распространился так называемый готический стиль, характеризовавшийся появлением большого количества романов и рассказов, действие которых разворачивалось в период мрачного Средневековья. Они были насыщены сверхъестественными, таинственными событиями, а действующие лица наделены сверхчеловеческими способностями.

В изобразительном искусстве это направление также нашло свое отражение не только в религиозной и гражданской архитектуре, живописи и скульптуре, но и в декоративном оформлении домов, мебелировке и предметах домашнего обихода.

В контексте этого ярко выраженного и распространенного стиля история и тайны тамплиеров, непрерывный интерес к которым подпитывало масонство, стали предметом театральных произведений, таких как Сыновья долины немецкого драматурга Захариаса Вернера (1768-1823), включавшего две драмы: Тамплиеры на Кипре и Братья Креста, состоявшие из шести актов каждая. Загадочное воззвание к Богу в самом начале подготавливает к таинственной и мистической атмосфере всего произведения.

Лондон, Галерея Тейт: сцена из Макбета Шекспира, изображенная швейцарским художником Генрихом Фюсли (1141-1825). Творчество этого вдохновенного живописца, подверженного галлюцинациям, полностью укладывается в рамки «готического» стиля конца XVIII в., обращенного в области художественной прозы к Шекспиру, в противовес рационализму и классицизму, доминировавшим в то время. Фюсли, который во время своего длительного пребывания в Италии (1110-1118) углубленно изучал классическую античность и был покорен искусством Микеланджело, после возвращения в Англию (куда он переехал в 1163 г.), полностью погрузился в предромантическую атмосферу «готического романа».

Кабинет Вальтера Скотта (гравюра той эпохи).

Последние события из жизни Ордена, от переезда со Святой земли на Кипр до сожжения на костре Жака де Моле, представлены как предначертание всемогущего существа под названием «Тал», который тайно управляет судьбами государств и Церкви. Тал предрешил конец тамплиеров, потому что они стали недостойными миссии духовного обновления, которая им была предначертана. Молодой шотландский рыцарь Роберт, которому удалось выжить, таинственным образом был доставлен в пещеру, где собираются самые высшие члены Тала. Здесь ему вверяют истинное наследие тамплиеров, чтобы подготовить человечество к познанию «Последнего Евангелия», хранимого немногими избранными.

«Характер драмы чисто масонский, и многие из ее непонятных мест связаны с тем, что Вернер обращается, в первую очередь, к "братьям" ложи, к которой он принадлежал. С художественной точки зрения, несмотря на формальные достоинства красноречия и отдельные удачные лирические отрывки, произведение лишено жизненной силы; стиль первой и второй частей настолько различен, что можно подумать о двух отдельных произведениях. Таким образом, ценность произведения чисто документальная: но прочесть его исключительно важно тем, кто занимается изучением отношений между немецким мистическим масонством конца XVIII века и романтической мыслью» (Альда Манги).

Во Франции интерес к событиям, связанным с тамплиерами, никогда не угасал. Сам Наполеон Бонапарт использовал их в символическом плане, чтобы изгнать все тени своего революционного прошлого (существовала даже легенда, что казнь Людовика XVI была последним актом мести тамплиеров потомку Филиппа Красивого). Для этого Наполеон в 1808 г. заставил парижское духовенство провести торжественную церемонию по отпущению грехов и реабилитации Жака де Моле, на которой Бонапарт присутствовал в окружении семьи, самых близких соратников и высших представителей масонства. Вместе с тем за три года до этого, когда в Париже шло представление драмы Тамплиеры провансальского драматурга Франсуа Ренуара, Наполеон решил собственноручно написать критическую статью, поскольку, по его мнению, та настойчивость, с которой автор обличал несправедливость и коварство, проявленные монархом, нежелательным образом представляет в глазах общественности образ политической власти как таковой.

В период романтизма тамплиеры не могли быть обойдены вниманием беллетристики, в которой ведущее место занимал исторический роман, где фантастический вымысел опирался на результаты исследований ученых эрудитов.

Портрет молодого Наполеона ((фрагмент картины А. Дж. Гросса, посвященной битве при Арколи, 1196).

В романе Айвенго Вальтера Скотта (1771-1832), опубликованного в 1820 г., действие разворачивается во времена Третьего крестового похода, а высокомерный тамплиер Бриан де Буа Жильбер выступает в роли отрицательного персонажа, которому противостоит положительный герой. За развитием событий, как бы на затененном фоне возникает Святая земля, где наряду с крестоносцами, вдохновляемыми самыми благочестивыми и светлыми идеалами, рыцари Храма стремятся только к воинской славе и мирской власти, не подчиняясь никакой власти или дисциплине, за исключением внутренней власти Ордена, ради которого они были готовы на все.

Айвенго в покаях леди Ровены (литография 1828 г. Франческо Хайеса. Милан, Национальная библиотека Брайденсе). Начиная с первых страниц романа Айвенго Вальтер Скотт подчеркивает надменность, двуличие и безжалостное злоупотребление властью тамплиеров, воплощенных в образе Бриана де Буа Жильбера.

В романе Талисман, опубликованном в 1825 г. в серии Рассказы о крестоносцах, Скотт наносит еще один удар по репутации тамплиеров, представив их Великого Магистра как образец... вероломства и предательства. В итоге мы снова видим взаимопроникновение истории и легенды, подменяющих друг друга. Но если у Скотта фантазия была ограничена историческими рамками, то поколение писателей середины XIX века сосредоточило свой интерес на таинственном, сверхъестественном и на других культурах, отличных от той, которая сформировалась на христианском Западе.

Наиболее видным представителем этого направления был француз Жерар де Нерваль, родившийся в 1808 г. и умерший на виселице в 1855 г. Страдавший болезненной чувствительностью и страдаемый приступами безумия, он в очень молодом возрасте перевел Фауста Гете и примкнул к масонам. В 1843 г. Нерваль совершил поездку на Восток и посетил Мальту, Египет, Сирию, Ливан, Кипр и Константинополь. На основании собранных материалов он написал книгу Путешествие на Восток, опубликованную в 1851 г.

Нерваль был твердо убежден в том, что средневековые тамплиеры тайно занимались поисками религиозно-эзотерического синкретизма, черпая познания из гностицизма, от христианской секты ессеев и исмаилитской секты ассасинов, а также из учения сирийских друзей. Пересказывая восточные легенды, в которых говорится, что друзьям была открыта последняя религия, в центре которой находится бог Хаким, с мистическим именем Аль-бар, Нерваль упрочил в сознании читателей мысль, что тамплиеры, несмотря на свое внешнее сходство с другими духовно-рыцарскими орденами своего времени, были ближе к современным шотландским масонам (см. с. 115), чем к грубым крестоносцам, вдохновляемым ограниченными и узкими религиозными идеалами: мнение, противоположное взглядам Вальтера Скотта.

Портрет Жерара де Нерваля. Писатель после ряда публикаций в журналах и газетах на темы Востока опубликовал в 1851 г. книгу Путешествие на Восток, в которой, между прочим, рассказал о своих воображаемых любовных похождениях с дочерью одного из шейхов-друзей. Комментируя это и другие произведения Нерваля, сюжеты для которых он позаимствовал из восточных легенд, его современник и друг Теофиль Готье заметил, что использование «некоторых намеков посвященного, некоторых каббалистических формул некоторых форм поведения, свойственных иллюманату», наводило на мысль, что он «говорит от первого лица».

То, что тамплиеры обладали не совсем понятным знанием и практиковали непонятные вещи, считал так же французский историк и философ Жюль Мишле (1798-1874), официальный куратор издания рукописей процесса над тамплиерами (1837- 1851). Но не скрупулезные архивные и филологические исследования ученого оказали большое влияние на общественное мнение, а его личная концепция истории, нашедшая свое выражение в Библии человечества, которая была напечатана в 1864 г. Придерживаясь демократических,

антиклерикальных взглядов, разочаровавшись в консерватизме, возобладавшем в стране после Французской революции, Мишле рассматривал различные цивилизации, приходившие на смену друг другу, различая при этом «народы света» и «пароды сумерек и ночи», ставя первым в заслугу то, что они способствовали и прогрессу, и обвиняя вторых в том, что они тормозили и чинили препятствия на пути раскрепощения человека. Так, свету, зажженному Индией, Персией и античной Грецией, которые обогатили человечество созданием семьи в ее природной чистоте, сделали труд созидательным благом и выработали гражданское чувство, противопоставляются сумрак, распространяемый египетской цивилизацией, одержимой культом смертью, сирийская цивилизация с ее изнеженными культурами и еврейская цивилизация, распространившая в людях страх перед мстительным и избирательным Богом. Также и христианство, подменив идеал справедливости, как результат плодотворного и деятельного трудолюбия на пути развития человечества, Божьей милостью, исходящей сверху, стало препятствием для прогресса.

Иллюстрация к изданию 1911 г. книги Ведьма Жюль Мишле, впервые опубликованной в 1862 г. Автор рассматривает колдовство как форму протеста простого народа и прежде всего женщин против репрессивной и догматической власти, которая претендовала на слепое повиновение. Очевидно, Мишле не мог применить такой идеологический подход к тамплиерам, которые в Средние века обладали значительной властью и поддерживали взаимовыгодные отношения с сильными мира сего до самого конца.

И все же, несмотря на то, что Мишле защищал различных бунтарей истории, выступавших против установившегося порядка, таких, например, как ведьмы, он считал, что тамплиеры, представлявшие слишком элитарное сообщество, неприязненно относившиеся к женщинам и, возможно, практиковавшие содомию, фанатики, подчинявшиеся только руководителям Храма, увлеченные колдовством и сатанизмом, – не должны войти в список жертв, заслуживающих реабилитации. Несмотря на то (как считает Мишле) что им пришлось пройти через ужас допросов, пыток и сфальсифицированный процесс, они в любом случае заплатили сполна за все преступления, совершенные в прошлом.

Здесь мы можем проститься с Жюлем Мишле и периодом романтизма в целом, приведя оценку Бенедетто Кроче фундаментального труда великого французского мыслителя История Франции в шестнадцати томах: «В Истории Франции Мишле фантастическое представление Франции в образах как физического, интеллектуального и нравственного индивидуума,

наделенного собственным гением и миссией в мире, к настоящему и прошлому которой обращаются, чтобы предвидеть будущее, не лишено тонких и оригинальных исторических суждений, вытекающих из нравственно-политических проблем, к которым Мишле обращался с глубокой и благородной заинтересованностью на протяжении всей жизни».

Тамплиеры и средства массовой информации

Парижский историк Ален Демюрже, автор наиболее полного и документального труда о тамплиерах, пишет: «Вместе с катарами и Жанной д'Арк Храм представляет одну из тех неиссякаемых псевдоисторических тем, основной целью которых является предоставление жаждущим читателям очередной порции тайн и секретов...» Появление средств массовой информации, с сенсационными репортажами в газетах и на телевидении, развитие кино и распространение более или менее дешевых научно-популярных серий придали большую жизнестойкость мифу о тамплиерах, используя и одновременно подпитывая этот «голод» к тайнам и секретам, о которых говорит Демюрже. Сегодня можно говорить, вопреки всем эзотерическим течениям, которые объявили себя их духовными наследниками, что тамплиеры являются «массовым мифом».

Основной характеристикой этого явления является стремление связать между собой элементы, бессвязно изъятые из истории, самых разных мистических направлений, из тайных доктрин, археологии, религиозной и светской литературы, в таком смешении, в котором очень трудно разобраться еще и потому, что оно представляется как «документированное». В этом плане, например, возникло желание не только считать, что в предсказаниях Нострадамуса содержатся указания на падение Ордена, исчезновение сокровищ тамплиеров в ночь накануне ареста, проведенного по распоряжению Филиппа Красивого, а также угрозы недостойным, кто попытается искать сокровища, и говорится о тайном возрождении Ордена, но и принимать самого автора за тамплиера.

Портрет Нострадамуса (1503-1566) (гравюра XVI в.). Привлекательность его Центурии никогда не ослабевала и еще больше усилилась в широких общественных кругах с приближением конца второго тысячелетия, поэтому было неизбежно, что кто-нибудь попытается связать его с тамплиерами, пользуясь таким же «успехом» у любителей таинственного и оккультного.

Но самое невероятное событие произошло в одном из небольших городков Франции Ренн-ле-Шато, в его маленькой церкви. В конце прошлого века приходский священник Франсуа Беранже Соньер во время реставрационных работ якобы нашел под алтарем пергаментные свитки, относящиеся к XIII веку, и показал их сначала епископу Каркассона, а затем одному парижскому специалисту. Вполне вероятно, что, проводя дальнейшие изыскания внутри церкви и в ее окрестностях, Соньер сделал другие таинственные находки,

причем обнаружилось, что у него было неоправданно много средств. Этой историей заинтересовалась газетная хроника, когда в 1968 г. эзотерик Жерар де Сед опубликовал книгу Проклятое сокровище: приходский священник расшифровывает текст на пергаментях и находит клад, возможно принадлежавший Иерусалимскому храму, при помощи которого он меняет свою веру и образ жизни. Через два года Би-Би-Си заказывает документальные фильмы на эту тему, и снова начинаются комплексные исследования М. Бейджента, Р. Ли и Г. Линкольна, которым это дело было поручено. Ход и ошеломляющие результаты исследований (достаточно вспомнить гипотезу о династической связи Иисуса, который не умер на кресте, а женился на Марии Магдалене, с Меровингами) невозможно изложить в нескольких строках. Но задуматься над этими обстоятельствами стоит хотя бы потому, что количество публикаций на данную тему за последнее десятилетие превысило пятьдесят наименований.

Наконец, необходимо напомнить, что, будучи твердо уверенными в честности эксцентричного приходского священника, на которого обрушился невыносимый груз тайны, его поклонники создали в Ницце ассоциацию, призванную защитить добрую память Соньера.

Руины замка Жизор во Франции, в долине Этна. Замок приобрел большую известность после того, как эзотерик Жерар де Сед в 1962 г. опубликовал книгу Тамплиеры среди нас, в которой он утверждает, что в замке спрятаны богатства Ордена (если не сам Грааль), но в результате таинственного заговора власти постоянно запрещали проведение раскопок и других исследований в этом месте.

Присвоение традиции

Среди историков и ученых, изучающих общественные традиции, стало обычным делом обозначать термином «храмовничество» такое явление, когда Орден тамплиеров и Храм, бывший его эмблемой, используются в качестве отправной точки при создании различных тайных обществ или групп, деятельность которых разворачивается в зависимости от социальных, политических или религиозных условий, связанных со временем их возникновения. Именно «конкретное» существование и «активный» характер таких формирований, которые тем или иным образом самопровозгласили себя духовными наследниками тамплиеров, являются отличительными чертами исторических переосмыслений и литературных течений, лежащих в основе легенд, о чем говорилось ранее, хотя и храмовничество, в свою очередь, способствовало их появлению.

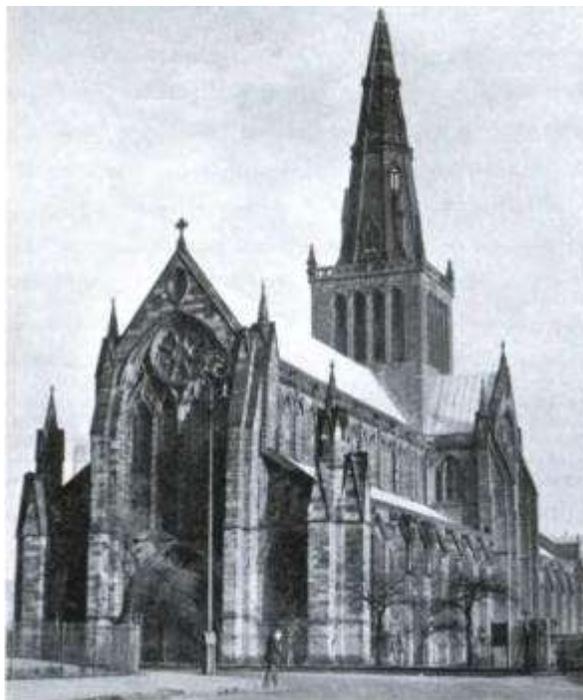
Зарождение феномена связано с Англией, где в первой трети XVIII века было создано тайное масонское общество.

В этой связи английский историк и журналист Питер Партнер в своей монографии о тамплиерах (Турин, 1991) отмечает: «"Корпорация" масонов стала одним из самых необычных проявлений Эпохи Разума, типичным для своего времени не только потому, что корпорация проповедовала рационализм, деизм и доброжелательность, но и потому, что из-за своей двойственности она направила часть своих рациональных интересов в сторону таинственного. В какой-то мере она могла рассматриваться как эманация самой типичной британской организации: клуба».

Наименование «масонство» содержит в себе очевидную связь со средневековыми братствами каменщиков (franc-maçon в переводе с французского языка означает «вольный каменщик»), как пример закрытой ассоциации, созданной в целях сохранения и передачи, исключительно своим членам, специальных знаний, а также для укрепления сотрудничества и взаимопомощи между членами братства. Речь идет о символическом, а не о практическом возврате к прошлому. Но все же над этим стоит задуматься и обратить внимание на замечание Партнера о том, как организация, возникшая в эпоху Просвещения (см. с. 100-101), черпала вдохновение в том мистическом и таинственном Средневековье, теми которого она желала развеять навсегда. Однако противоречие оказывается не таким сильным, как кажется: наряду с мыслителями и воинствующими философами той эпохи, масоны были убеждены, что руководство человечеством и направление общественной жизни должны взять на себя представители элиты. «Свет», призванный просвещать сознание обычных людей, должен исходить только из выдающихся умов, способных освободиться от догматических пут различных религиозных конфессий и предупредить тот риск, который связан с любым закрытым государственным устройством.

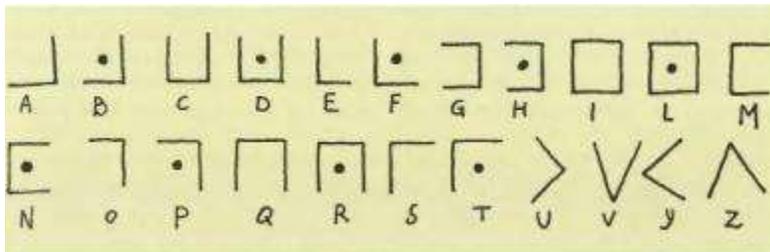
Масонская «ложа»

*Слово «ложа» используется для обозначения мест проведения собраний масонов, а также их обычных сборов, а в расширенном смысле для обозначения самой формы ассоциации масонов (например, «Великой ложей» называется объединение лож, в которых принят один и тот же ритуал). К первоначальному этимологическому значению термина, происходящему от позднелатинского слова *labia*, означавшего пространство, обладающее особыми характеристиками, вскоре добавилось и дополнительное значение, указывающее на людей, собиравшихся в этом месте (точно так же, как и в случае с именем существительным *loggione*-«галерка», которое обозначает не только самый высокий сектор в театре, но и зрителей, которые его обычно занимают). В масонской символике ложа обозначается в виде квадрата или одной буквы L, за которыми следуют три точки, соответствующие вершинам равностороннего треугольника.*

Кафедральный собор в Глазго, Шотландия, – один из самых древних (XII в.) и прекрасных образцов готической архитектуры. Исторически доказано, что строительство таких внушительных и сложных культовых сооружений доверялось странствующим братствам «вольных каменщиков», связанных между собой самыми различными обязательствами и узлами.

Отсюда возможный конфликт с государственной властью, что давало право масонам соблюдать еще большую секретность и создавать иерархическую структуру среди своих членов, а в случае необходимости пользоваться конспирацией.

Алфавит масонов. Многие буквы под прямым углом, т. е. «угольником», напоминают этот измерительный строительный инструмент который является частью масонской символики.

Как и все тайные общества, масонство выработало свой зашифрованный язык и освоило сложную символику, отчасти руководствуясь символикой средневековых мастеров-каменщиков, отчасти – «магическими» формами, изображениями и числами, взятыми из древних эзотерических учений. Например, по поводу циркуля можно прочесть в Карманном справочнике для масонов, опубликованном в конце XIX века: «... с помощью циркуля можно начертить окружность, которая графически представляет вселенную...». Подобно этому Храм, бывший символом тамплиеров, не имел историко-религиозного смысла (большая часть масонских лож примыкала к умеренному рационалистическому деизму), а представлял собой архитектурную метафору вселенной, Разума (Logos), который в ней верховенствует, и власти, которую он дает тому, кто руководствуется Разумом.

Для установления более непосредственных связей между масонством и рыцарями Храма нужно дождаться 1736 г. В этом году шотландский католик-доминиканец Эндрю Майкл Рэмзей, человек простого происхождения, получивший впоследствии звание рыцаря Ордена св. Лазаря и ставший во Франции, куда он переехал, секретарем писателя Франсуа Фенелона (1651-1715), выступил с речью перед французскими масонами, чтобы привлечь сторонников в созданную им ложу. В этой речи он, в частности, утверждал, что общим звеном, объединявшим между собой средневековых «вольных каменщиков» и рыцарей, сражавшихся на Святой земле, была принадлежность к единому наднациональному духовному братству, как его в идеале представляли масоны. И, как в масонстве, тайная символика и опознавательные коды были теми необходимыми мерами предосторожности, которые позволяли избежать вульгаризации и засорения наследия древней мудрости и высшей истины. Оставив в тени фигуру ремесленника и делая упор на личности рыцаря, Рэмзей затем накладывает на исторический образ «солдата Христа» образ идеального масона, говоря о «религиозных и воинских принципах, на которых следовало просвещать, наставлять и возводить живые Храмы Всевышнего». Таким образом, перед аудиторией утверждалось не только наличие мудрости, вытекающей из божественного откровения, откуда ее черпали патриархи Ветхого Завета и строители Храма, воспринявшие и сублимировавшие тайные знания язычников, но и то обстоятельство, что масоны являются их наследниками.

Старость. Акварель Уильяма Блейка, которая представляет собой аллюзию на сотворение мира. Циркулю придается символический смысл, подобный тому который используется масонами.

Другим существенным пунктом речи Рэмзея была историческая реконструкция событий, в результате которых масонству приписывался более солидный исторический возраст, чем три десятилетия текущего столетия. По его словам, те же самые принцы крестоносцев после своего возвращения из Святой земли якобы создали ложи, но только в Англии и Шотландии они смогли выжить, пользуясь защитой монархов.

Уже сам факт, что масонство создавалось как тайная организация, вызвало к нему подозрение у тех, кто не входил в его состав, и очень скоро стали появляться публикации, направленные против масонов. Примером тому может служить изображение, воспроизведенное с титульного листа произведения такой ориентации, изданного в Амстердаме в 1141 г.: «Мастер» на переднем плане пришел в отчаяние, но причине разрушения здания, изображенного за его спиной.

Во Франции, которая выступала главной вдохновительницей крестовых походов, сложились, таким образом, не только благоприятные возможности для масонского движения, но и условия для сохранения славных традиций. На протяжении всей своей речи Рэмзей ни разу прямо не упомянул о тамплиерах, возможно не желая начинать дискуссию по поводу их уничтожения, инициаторами которого, безусловно, были французская монархия и папа-француз. Однако могущественный символ Храма сам позаботился о закреплении этой связи.

Постановка вопроса, предложенная Рэмзеем относительно истории масонства, повлекла за собой некоторые изменения, по крайней мере, в вопросах его развития и внутренней организации.

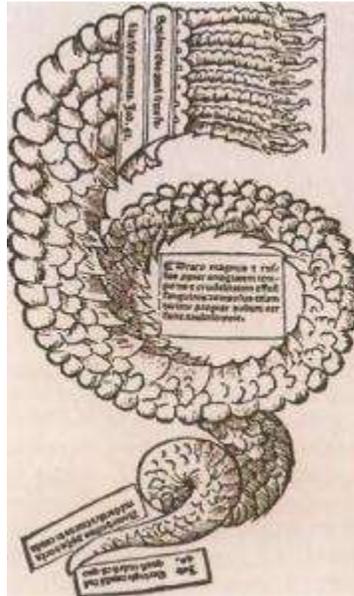
Замок Айлеан Донан в Шотландии, построенный в первой пол. XIII в. Среди суровых шотландских ландшафтов, где в стратегических точках разбросаны замки, витали фантастические предположения масонов, что Ордену тамплиеров удалось тут выжить после уничтожения. Именно здесь собирались избежавшие преследования рыцари, найдя поддержку в ложе Килвиннинга, которая объединила братскими узами строителей местных готических соборов. Эти тамплиеры якобы примкнули к королю Шотландии Роберту Брюсу в битве против короля Англии Эдуарда II при местечке Баннокбери (1314), получив в качестве компенсации полный контроль над ложей Килвиннинга. Три с половиной века спустя на теле одного шотландского виконта, павшего в битве при Килликрэнки (1689) против Вильгельма Оранского, был будто бы найден Большой Крест Ордена Храма, по форме изготовления относящийся к 1301 г., что считается доказательством того, что Орден никогда не прекращал своей деятельности.

Первоначально инициация предусматривала только три последовательных уровня, или ступени: Подмастерье, Брат по Ремеслу и Мастер, символически повторяя структуру средневековых братств «вольных каменщиков». Вовлечение в игру рыцарей-крестоносцев способствовало введению других, более высоких ступеней, которые присваивались членам ложи в зависимости от овладения ими тайных знаний. Поскольку, как считал Рэмзей, только в Шотландии традиция передачи таких знаний никогда не прерывалась, то наиболее высокие ступени стали называться «шотландскими». Часть организации, примкнувшая к этой ветви масонства, была названа «красным» масонством в отличие от «голубого», которое сохранило первоначальную иерархию. И именно в рамках «красного» масонства была установлена тесная связь с эзотеризмом, в его состав принимались маги, ясновидцы, спириты, алхимики... если речь шла не о шарлатанах или беспринципных авантюристах. Что не помешало, во всяком случае, масонству в понимании Рэмзея распространиться по Европе, от Франции до Италии и от Англии до Швейцарии, а также Швеции и Соединенных Штатов. И по сегодняшний день в нем ощущается непрерывность традиции Древнейшего и признанного Шотландского Обряда.

Храмовничество в Германии

Масонство в Германии представляло собственную «историческую» реконструкцию течения, чтобы заявить о себе как о духовных наследниках тамплиеров. Этот процесс начался с возрождения доктрины Джоакино да Фьоре (ок. 1130-1202). В трактате *Concordia veteris ac novi testamenti* («Книга согласований Ветхого и Нового Заветов») аббат-провидец из Калабрии разделил историю прошлого, настоящего и будущего мира на три эры (Отца, Сына и Святого Духа) с внутренним делением на семь эпох. В этой искусственной конструкции масонству, скорее всего, импонировала основная идея рациональной и имманентной организации истории, которая развивается по циклам, повторяющимся индуктивным путем по аналогии. Таким образом, можно было утверждать, что эпоха пребывания тамплиеров на Святой земле была пятой эпохой эры Сына и что после казни Жака де Моле началась шестая эпоха. Аналогичным образом убийство Хирама, мифического строителя Храма царя Соломона,

ознаменовало собой начало шестой эпохи эры Отца. В ночь накануне сожжения на костре Жак де Моле якобы сумел передать секретные знания, полученные им от еврейской секты ессеев, графу де Боже вместе с сокровищем, в описании которого появляются привычные могущественные символы: шпорах Храма, корона Иерусалимского королевства и четыре Евангелиста в золоте, которые хранились в церкви Гроба Господня, когда на Святой земле пребывали христиане. В заключение этой реконструкции на сцене вновь появляется Шотландия, куда прибыли уцелевшие рыцари и, как считалось, передали тайные традиции.

Ксилография к изданию XVI в. Комментарии к Апокалипсису Джоакино да Фьоре. Головы дракона олицетворяют гонителей церкви, за которыми следует Антихрист. В сочинении Concordia veteris ac novi testamenti каждая из семи эпох, на которые подразделяются первые две из трех исторических эр, отличается своим предшествованием, периодом мира и периодом гонений, по завершении которых заканчивается одна эпоха и начинается новая.

Помимо различных ответвлений, образовавшихся на древе «традиционного» масонства, помимо появления большого количества новых орденов и рыцарских званий, а также новых ступеней посвящения в отдельных ложах, необходимо подчеркнуть, как произвольное толкование доктрины Джоакино да Фьоре способствовало распространению идеи «справедливой мести» в отношении тех, кто выступал против божественного предначертания истории, преследуя ее основных действующих лиц. Такая идея воплотилась в символике лож и названиях самых высоких ступеней посвящения, а также в представлении простых людей и в обеспокоенности правительств, не знающих что делать с обществами, которые, хотя и являлись тайными, по заявляли, что ими движут филантропические и пацифистские идеалы.

Иллюстрация, предваряющая эссе Гробница, или Краткая история древних и современных посвященных, тамплиеров, франкмасонов и иллюминатов Л. К. Гассинкура (см. с. 121), опубликованное в 1196 г. Как считают некоторые интерпретаторы, сцена изображает «справедливую месть» Жака де Моле, осуществленную масонами, когда был казнен Людовик XVI, последний король Франции и последний потомок Филиппа Красивого.

Наиболее видным представителем немецкого храмовничества был Карл Готтхельф фон Хунд, богатый землевладелец, питавший большой интерес к алхимии. Он назвал возрожденный Орден Храма «Обрядом Строгого Тамплиерского Послушания» и вступил в полемику с Георгом Фредериком Джонсоном, который, представляясь шотландским аристократом, говорил, что является хранителем древних секретов тамплиеров. После встречи в одном из замков Тюрингии, на которой они попытались создать союз и куда оба новоиспеченных рыцаря прибыли в костюмах в соответствии со средневековыми феодальными ритуалами, фон Хунд обвинил Джонсона в бахвальстве и добился, чтобы того без суда заключили в тюрьму, где он умер в 1755 г.

Религиозно-магическое очарование

В то время как Обряд Строгого Тамплиерского Послушания (см. с. 117) практически контролировал все немецкое масонство, Иоганн Август Штарк сделал новые открытия, касавшиеся тайной организации средневековых тамплиеров. Сын протестантского пастора, он принял католицизм, но затем снова вернулся к своей вере, став, в свою очередь, пастором. Его очевидный интерес к религии сочетался с интересом к Востоку и его оккультным традициям. Он считал, что не рыцари, непосредственно исполнявшие воинские обязанности, а те из тамплиеров, которые выполняли функции «клириков», являвшихся своего рода параллельным и независимым орденом, были хранителями секретных знаний, полученных в результате контактов с Персией, Сирией и Египтом. Сохранением и передачей этих тайных знаний на протяжении всей истории занимались маги. Штарк, таким образом, обосновал необходимость создания новой организации – «Духовной ветви тамплиеров», добился ее признания со стороны масонов «Обряда Строгого Тамплиерского Послушания» в 1772 г. и заключил с ними братский союз, который распался через четыре года, когда немецкие ложи отказались от концепции фон Хунда (см. с. 117). «Духовная ветвь тамплиеров» также просуществовали не более одного года.

Характерной чертой деятельности Штарка была поддержка, оказанная им магии, в то время как фон Хунд высказывался в пользу алхимии; а также подчеркнутая религиозность,

умаление престижа «рыцарей» в пользу повышения авторитета «клириков», активная заинтересованность в поддержании тесных связей с сильными мира сего и аристократами в Германии, где политическая ситуация отличалась территориальной раздробленностью и неопределенностью.

Остановливаясь на значении Бафомета, Элифас Леви безусловно имел в виду работу востоковеда Йозефа Хаммер-Пургштала Раскрытая тайна Бафомета (изображение которого воспроизводится), опубликованную в 1818 г. в самый разгар Реставрации. Приписывая тамплиерам поклонение божеству-гермафродиту, фаллические культы и оргиастические практики, а также тайный союз с ассасинами, Хаммер-Пургшталь не упускает случая для утверждения: «Как на Западе революционные общества возникли из сердца масонов, так на Востоке ассасины вышли из секты исмаилитов».

Другим выдающимся лицом, изучавшим миф о тамплиерах, был французский аббат Альфонс-Луи Констан, литературный псевдоним Элифас Леви. История его жизни отмечена громкими событиями: он родился в 1808 г., сначала вступил в католический орден францисканцев, до 1848 г. пользовался известностью в рядах французских радикалов и придерживался псевдосоциалистических идеалов; затем он оставил политику и занялся оккультизмом, чтобы синтезировать, с ученой точки зрения, весь опыт человечества, накопленный в этой области. Его усилия вылились в написание в 1860 г. Истории магии, в которой тамплиеры описываются двойственным образом: наследники гностического оккультизма, якобы перешедшие затем к пантеистическому поклонению природе. Между тем Орден получил доступ к высшей мудрости, представленной в символах Азота, египетского бога Мендеса в образе козла, философском камне и символе того же Бафомета (см. с. 70-73).

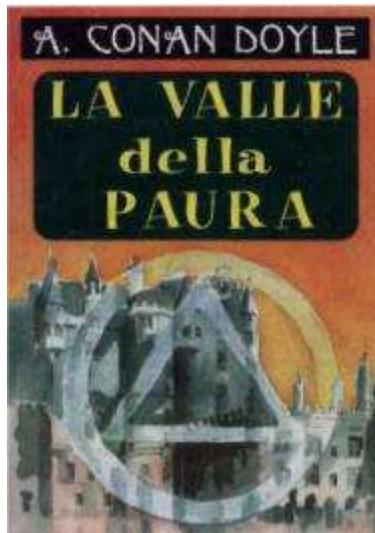

Воображаемая реконструкция церемонии создания Ордена тамплиеров в Иерусалиме. Штарк, считая, что существовал отдельный орден клириков или священнослужителей, тем самым создал историческую фальшивку: среди тамплиеров действительно были священнослужители, которым было позволено совершать церковные Таинства начиная с 1112 г., когда Иннокентий III своей буллой дал на это разрешение, но и рыцари, и сержанты, и светские братья входили в единую орденскую структуру, во главе которой стоял один и тот же Магистр.

Хотя Элифас Леви склонялся к мысли, что они были заговорщиками, как считал иезуит Августин де Баррюэль еще за шестьдесят лет до этого (см. с. 121), он утверждал, что самая большая вина Ордена лежит на Жаке де Моле, который передал оберегаемые им секретные знания средневековому масонству, слишком невежественному, чтобы хранить их.

Теория заговора

Шотландский ритуал во Франции сомкнулся с опытом «храмовой» организации, которая зародилась в предшествующие годы, отличалась исключительно аристократической направленностью и была связана с семьей герцогов Орлеанских, которых постоянно подозревали в организации заговоров против абсолютной монархии. В эпоху консерватизма, последовавшую за Французской революцией, теория заговора вновь появилась на политической сцене и распространилась убежденность в том, что именно тайные общества были ее настоящими вдохновителями. Чтобы еще больше ввести в заблуждение общественное мнение в этом смысле, на руку реакционерам сыграло дело Баварских иллюминатов, общества, основанного Адамом Вейсгауптом, которое объединяло прогрессивных немецких интеллектуалов и было упразднено в 1784-1785 гг., вызвав шумный резонанс во всем мире. Достаточно сказать, что Джордж Вашингтон вынужден был встать на защиту американских масонов, которые неожиданно попали под подозрение, хотя и не имели ничего общего с иллюминатами.

Обложка романа Конан-Дойла, создателя образа Шерлока Холмса. События, описанные в романе, происходят в Соединенных Штатах во второй пол. XIX в. и свидетельствуют о том, как пропаганда, развернутая против тайных обществ, нашла в этом веке плодородную почву и глубоко проникла в народное сознание. Секретность, сила корпоративных связей, символика и таинственные ритуалы вызывали тревогу и беспокойство: от страха политических заговоров до возможного превращения тайных организаций в преступные сообщества.

Затем репутации Храма был нанесен серьезный удар так называемым графом Калиостро, основателем египетского масонства. Представ в 1789 г. перед судом Инквизиции, он признал,

что новые тамплиеры плели заговор с целью отмщения за смерть Жака де Моле и собирались осуществить свои планы путем разрушения всех монархических институтов и католической церкви. Он также рассказал, что был тайно доставлен в один из Храмов во Франкфурте-на-Майне, где ему были показаны документы, подтверждавшие этот преступный план и подписанные кровью.

Битва при Милаццо (20 июля 1860 г.). выигранная «краснорубашечниками» Гарибальди. Необходимо заметить, что в XIX в. не только консервативные силы, но и сами члены тайных обществ считали, что задачей масонства является революционное преобразование политического и социального устройства. Именно в этом направлении работал в Италии, например, Суверенный воинский орден Сионского храма. Что же касается гарибальдийцев, то «Масонский журнал» называл их «новыми тамплиерами» и, между прочим, в последние десятилетия XIX в. развернул кампанию в поддержку тамплиерства.

Представляя масонство в виде клики отъявленных бунтовщиков, стали вновь извлекать на свет исторических тамплиеров. С особым рвением работали в этом направлении радикал Луи Каде де Гассинкур, посаженный в тюрьму во времена террора, и иезуит Августин де Баррюэль, находившийся в изгнании в Англии. Один (Гробница Жака де Моле) утверждал, что Орден как союзник ассасинов был ни чем иным, как первым звеном в цепи заговорщиков, которые не прекратили своей деятельности до самого взятия Бастилии. Другой (Полезные мемуары к истории якобинизма) (1787-1798) объединил в единый ужасающий образ многовекового заговора все течения и действующих лиц, не проводя между ними никаких различий, которые на протяжении истории выступали против законной власти. Поэтому новые тамплиеры не отказались ни от имени, ни от традиций мщения. Более того, в 1804 г. некто Ледрю и магистр Раймон Фабре Палапра представили документ, очевидно фальшивый, который якобы относился к 1324 г. и был написан Джоном Марком Лармениусом, тайным наследником Жака де Моле, ставшим во главе Ордена. Во время полемики с шотландскими ложами, Палапра показал новый список Великих Магистров, которые занимали этот пост после Лармениуса на протяжении всего периода времени, вплоть до наших дней. Успех, который во Франции выпал на долю Ордена Храма, основанного Палапра, угас через несколько лет после его кончины в 1838 г.

В последующий исторический период французское храмовничество все больше склонялось к сотрудничеству с католической церковью и занимало все более консервативные позиции.

Ужас отступничества

Сближение нового храмовничества с католической церковью, несмотря на возникавшие серьезные разногласия, казалось в конце XIX века, по крайней мере во Франции, свершившимся фактом: магистр, избранный в 1892 г., Жозефин Пеладан, писатель, высоко ценимый в эзотерических кругах, который сначала вступил в каббалистический орден Розы и Креста, но впоследствии «дисциплинировал» свои эксцентрические наклонности, а также

окультурные и теософские интересы и создал католический орден Розы и Креста и реорганизовал Храм как орден Розы и Креста Храма и Грааля. Два года спустя в Брюсселе был создан Международный секретариат тамплиеров. В последнее столетие происходили следующие события: создание, все в том же Брюсселе, Регентского Совета (1937), перевод Международного секретариата в Португалию, назначение Великого Приора провинции Лузитания Правителем и Досмотрщиком Верховного военного ордена Иерусалимского храма (1942). Верность Церкви, «традиция» и «порядок» до сих пор являются теми ценностями, которые они защищают.

Карта храмовничества XX века, которое, как и раньше, в общественном мнении, накладывается на масонство, с трудом поддается расшифровке. То, что еще больше запутывает картину, так это одновременное наличие в истории храмовничества различных мистико-эзотерических организаций и реальных или вымышленных политических начинаний, связанных с правой идеологией.

Правительство Виши, сформированное после поражения Франции от немцев в 1940 г. В этот драматический момент французской истории было предпринято яростное наступление на масонство как предполагаемое прикрытие заговора «синархнстов», возникшего в двадцатые годы, чтобы привести к власти олигархию технократов. В пропагандистской кампании использовался вновь, в который раз, привлекательный образ средневекового тамплиера, созданный в конце XIX в., благодаря труду мистика Жозефа Александра Сент-Ива д'Алвейдра. Автор считал, что Орден доминировал во всей Европе того времен и благодаря необыкновенным «управленческим» способностям, а современное масонство намеревалось соперничать с ним в этой роли!

Елена Петровна Блаватская, основательница Теософского общества. Вероятно, Теодор Рейсс, профессиональный журналист, поддерживал отношения с эзотерическим кружком, которым она руководила.

Примером может служить Орден восточных тамплиеров (О. В. Т.). Основанный австрийским промышленником Карлом Кельнером, он включал две такие выдающиеся личности, как английский оккультист Теодор Рейсе и английский маг Алистер Кроули. В культурном климате декадентства (Рейсс и Кроули встретились в 1912 г.), Орден был особенно заинтересован в экспериментах, связанных с «сексуальной магией», и в то же время поддерживал отношения с Орденом Золотой Зари, который исповедовал аристократическую философию, воспевавшую социальную избранность и «потенциальную волю», открыто презиравшую демократию и ее институты.

Объективные контакты с правой идеологией проявились затем в истории Верховного ордена рыцарей Храма в Италии и в установках Новых тамплиеров, немецкой секты, основанной бывшим монахом Иоргом Ланц фон Либенваллем. От первых, после начала Второй мировой войны, исходил формальный призыв, обращенный к его членам после созыва Генерального капитула, вступить в ряды добровольцев; вторым пришлось на себе испытать всю тяжесть гитлеровской маниакальной одержимости в вопросах чистоты расы. Сам Генрих Гиммлер, глава СС, создал отборные отряды «арийских» бойцов, которые своей железной дисциплиной и самоотверженностью на поле боя должны были следовать примеру рыцарей древнего Ордена тамплиеров.

К этому следует добавить, что неонацисту Жульену Оригасу мы обязаны созданием Обновленного Ордена Храма, из которого в 1980-е гг., по инициативе Люка Журе, выделился Храм Солнца. Среди членов этой «уклонистской» организации, замешанной в связях с секретными службами различных стран, с подрывной деятельностью правых, торговлей оружием и отмытием грязных денег, в 1994 г. произошел ряд массовых самоубийств в Швейцарии и Канаде.

Алистер Кроули. Прежде чем войти в Орден восточных тамплиеров (О. В. Т), который он практически возглавил в 1923 г., Кроули основал Серебряную Звезду, тайную организацию, в противовес Золотой Заре, с которой он, тем не менее, поддерживал отношения.

С этой точки зрения такие черты храмовничества, как обращение к средневековому Ордену тамплиеров, так и к символу Храма, указывающему путь к знаниям, представляются неприемлемой узурпацией, о живучести которой приходится только сожалеть. Поэтому нам представляется необходимым обратить внимание на заключительную страницу монографии, которую Эудженио Бонвичини посвящает тамплиерам (Фоджа, 1997): «... память о тамплиерах, возрожденная последующим "храмовничеством" и почитаемая масонством в своих ритуалах, актуальна и значима. Она служит для передачи "идеала, воплотившегося в высшем синтезе вечных ценностей", где нет места догматичной нетерпимости и фанатизму любой позитивной религии, любой философии, любой социально-политической доктрины, которые провозглашают себя единственными хранителями истины, указующими на верный путь спасения человечества. Из-за них шли на костры, как случилось с тамплиерами после преступного "процесса". Затем вспыхнули другие "костры", другие топоры палачей обрушивались на головы невинных, другие "способные палачи" в последующие века подвергали физическим и психологическим пыткам людей, чтобы превратить подозреваемого в виновного. В том числе и наш XX век пережил массовый геноцид народов, осуществляемый Гитлером, Сталиным, Пол Потом, Хомейни и другими во имя политической или социальной, расовой или религиозной идеологии..»

Иоанн XXIII (1881- 1963) – «хороший папа взошедший на Папский престол в 1958 г Сенсационалистское храмовничество связывает его имя с таинственными событиями в Приорате Сиона, секретном ордене, вершащем судьбы мира, для которого тамплиеры якобы были лишь временной вооруженной и руководящей рукой.

Поэтому тамплиеры превратились в храмовничество, пришедшем им на смену, в символ свободных людей, обладающих чувством терпимости, и как таковые представляют вечную ценность, которая выходит далеко за рамки историографической реконструкции минувших событий, происходивших в течение двух веков их существования, и звучат как приговор всем кострам, зажженным в ходе истории».

Библиография

- R. Amberlain Il segreto dei Templari, Roma, 1975
- E. Badellino I Templari, Milano, 1996
- M. Barber La storia dei Templari, Casale Monferrato, 1997
- Bonvicini Templari fra storia e leggende, Foggia, 1997
- B. Capone Quando in Italia c'eratio i Templari, Torino, 1982
- Cardini Bernardo di Clairvaux e lo Spirito Templare, Roma, 1997
- F. Cardini I poveri cavalieri di Cristo, Rimini, 1992
- L. Charbonneau-Lassay Le Coeur rayonnant du donjon de Chinon, attribuaux templiers, Milano, 1975 (rist. anast.)
- L. Charpentier I misteri dei Templari, Roma, 1981
- A. Demurger Vita e morte dell'Ordine dei Templari, Milano, 1987
- B. Frale Strategia di un delitto. Filippo il Bello e il cerimoniale segreto dei Templari, Firenze, 2001
- G. Gatto Trocchi Viaggio nella magia, Bari, 1993
- J. Michelet Dal Vespro alle sterminio dei Templari, Palermo, 1982
- P. Partner I Templari, Torino, 1991
- L. Picknet, C. Prince La rivelazione dei Templari, Milano, 1998
- G. Pucci L'Ordine del Tempo, Roma, 1989
- M. Raffi Apologia dei Cava fieri Templari, Rimini, 1997

G. Tate Le Crociate. Cronache dall'Oriente, Milano, 1994

G. Ventura Templari e templarismo, Roma, 1980

G. Viti (a cura di) I Templari. Una vita tra riti cavallereschi e fedeltà alla Chiesa, Firenze, 1995